

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова»

Н.В. Дёрина
Т.А. Савинова
Т.Ю. Залавина
Н.Н. Зеркина

**ПОЛИДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
СЛОВО, ТЕКСТ, КОММУНИКАЦИЯ**

Монография

Под научной редакцией Н.Н. Зеркиной

Магнитогорск
2017

УДК 800
ББК 81

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
«Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова»
С.С. Исакова

доктор филологических наук,
профессор кафедры романо-германских языков и межкультурной коммуникации,
ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»
Е.Н. Азначеева

**Дёрина Н.В., Савинова Т.А., Залавина Т.Ю., Зеркина Н.Н., Кисель О.В., Босик Г.А.,
Полякова Л.С., Южакова Ю.В., Суворова Е.В., Савинова Ю.А**

Полидискурсивное пространство: слово, текст, коммуникация [Электронный ресурс] :
монография / под науч.ред. Н.Н. Зеркиной ; ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова». – Электрон. текстовые дан. (1,21 Мб). –
Магнитогорск : ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). –
Систем. требования : IBM PC, любой, более 1 GHz ; 512 Мб RAM ; 10 Мб HDD ; MS Windows
XP и выше ; Adobe Reader 8.0 и выше ; CD/DVD-ROM дисковод ; мышь. – Загл. с титул.
экрана.

ISBN 978-5-9967-1107-9

Монография отображает разносторонние подходы к проблеме дискурса, освещает проблему дискурса не только с отдельных авторских позиций, но и в рамках таких научных направлений как литературоведческое, социолингвистическое, психолингвистическое и когнитивное. Актуальным представляется расширение рамок изучения дискурсивного пространства с включением в них таких тем, как коммуникация, когнитивная обработка текста/высказывания, вербализация концептов, а так же исследования компьютерно-опосредованного вид коммуникации, как особого типа социального взаимодействия.

Монография предназначена для лингвистов, филологов, преподавателей и студентов гуманитарных факультетов вузов.

УДК 800
ББК 81

ISBN 978-5-9967-1107-9

© Дёрина Н.В., Савинова Т.А., Залавина Т.Ю.,
Зеркина Н.Н., Кисель О.В., Босик Г.А., Полякова Л.С.,
Южакова Ю.В., Суворова Е.В., Савинова Ю.А., 2017
© ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова», 2017

Содержание

Предисловие.....	4
Гармонизация художественных миров в акмеистическом и романтическом дискурсе/ Дёрин Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова; Савинова Татьяна Александровна, старший преподаватель, МГТУ им. Г.И. Носова	5
Паремии-репрезентанты концепта ДЕНЬГИ в дискурсивной деятельности/ Залавина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова.....	20
Лингвистические и этические трансформации коммуникации в интернет пространстве/ Зеркина Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова.....	36
Эпонимы в научно-техническом дискурсе/ Кисель Олеся Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова; Галина Артёмовна Босик, студент института гуманитарного образования, МГТУ им. Г.И. Носова.....	50
Языковые средства манипуляции в английском политическом дискурсе/ Полякова Лилия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова; Южакова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова.....	62
Процессы инференции в дискурсе/ Суворова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова; Савинова Юлия Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова.....	79
Сведения об авторах.....	96

ПРЕДИСЛОВИЕ

Монография представляет собой разностороннее рассмотрение дискурса и коммуникации как многогранного социолингвистического феномена. Актуальность данной монографии обусловлена тем, что проблема дискурса в современной лингвистике находится в стадии разработки, при этом отсутствует единая трактовка механизма формирования и функционирования дискурса, а также его статуса в науке.

Обращение к вопросам дискурса и коммуникации обусловлено социально-политической значимостью данных явлений в современном обществе. Особую актуальность понятия «дискурс» и «коммуникация» приобретают в преподавании языков и культур, поскольку позволяют формировать целостное представление о языке как средстве общения и передачи информации.

Анализ дискурса как междисциплинарный научный подход, активно используемый в различных сферах знания, соответственно и определил общую направленность данного исследования на многостороннее изучение феномена языкового общения, которое является объектом лингвистического анализа в широком смысле.

Теоретической базой исследования послужили основополагающие труды по теории дискурса, коммуникативному взаимодействию, прагмалингвистике, труды по когнитивистике, исследования, в которых обосновывается антропоцентрический подход к языку в целом и его категориям в частности.

В рамках настоящей коллективной монографии представлены различные подходы в исследовании дискурса. Большая часть работы посвящена исследованию разных типов дискурса: политического, массово-информационного, художественного. Проблема дискурса и коммуникации может рассматриваться в социально-философском и политологическом ключе. В разных обществах с разной политической системой отношение к коммуникации как ценности может быть выражено по-разному. В монографии представлены различные формы коммуникации между обществом и властью в рамках проблемы управления информацией (миф как средство управления; «коммуникативная поломка» как неспособность общества и власти выработать консенсус по каким-либо проблемам; насилие как один из способов выражения кризиса коммуникации). Авторами рассматриваются достоинства и недостатки двух крайних ситуаций — полной свободы информации, с одной стороны, и тотального контроля над информацией — с другой. В монографии рассмотрен романтический дискурс как разновидность художественного дискурса.

Коллектив авторов выражает искреннюю признательность и благодарность доктору филологических наук, профессору АРГУ им. К. Жубанова Исаковой С.С., доктору филологических наук, профессору Челябинского государственного университета Е.Н. Азначеевой за рецензирование рукописи и ценные рекомендации.

ГАРМОНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВ В АКМЕИСТИЧЕСКОМ И РОМАНТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Дёрина Наталья Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
МГТУ им. Г.И. Носова
Савинова Татьяна Александровна,
старший преподаватель,
МГТУ им. Г.И. Носова*

Harmonization of Artistic Worlds in Acmeistic and Romantic Discourse

*Natalja V. Dyorina,
Tatjana A. Savinova*

Введение

Исследуя законы творения Н. Гумилевым художественного бытия и исключительные направления его художественного познания, обнаруживая истоки замыслов и образов в творчестве автора, ученые-гумилеведы анализируют особенные отношения гумилевской поэзии с обширным спектром разнообразных веяний, которые оказываются необходимыми в период глубочайшего мировоззренческого кризиса, поразившего русскую культуру на заре двадцатого века, когда преобразился сам уклад и иерархия идей о реальности, был изменен порядок и строй представлений о нравственных ценностях, противоречия между обществом и индивидом стала глубже и заметнее, догматические пути преодоления главных жизненных противостояний снова становились проблемами и всего лишь проблемами [2, с. 339]. Вопросы взаимодействия творческих исканий Н. Гумилева с предыдущим и нынешними литературно-философскими ценностями часто оказывались в центре внимания отечественных и зарубежных литературоведов [10, с. 2; 20].

Однако, уделяя повышенное внимание пониманию поэтом философии И. Канта и воздействию на него православной эсхатологии, раскрывая элементы восточной духовности и оккультные направления в его творчестве, отслеживая общие векторы с концепциями Гераклита Эфесского и Ф. Ницше, антропософией и теософией [13, с. 27], [14, с. 8], [18, с. 39], ученые очень часто игнорируют в своих исследованиях глубокие элементы схождения художественного миротворения Н. Гумилева с квинтэссенцией идеей, которые составили базу художественно-философских поисков российской литературы в ту эпоху, когда бытие и природа стали для личности чем-то поистине чуждым, неминуемым и на него тяготеющим [16, с. 621] и которые сами мыслители и поэты определяли как «идею романтическую», предполагавшую органическую культуру и органический уклад общества [3, с. 345], искания «новых

перекличек с природой и ее стихиями», достижения «гармонии мировых сил» [4, с. 394].

Для Гумилева, жаждущего «более явной гармонии противоположных сил», ближе оказывается именно тот путь гармонизации хаотической реальности, который был создан и апробирован в художественных произведениях представителями старшего английского романтизма, в мирозданиях которых «понятие духовности или субъективности» оставалась равной «естественной сенсорной форме» [16, с. 436].

Реализация романтической идеи в трудах Гумилева до настоящего момента не получает столь тщательного изучения. Сам автор отмечает, что вселенные, создаваемые англичанами-романтиками, оказывали на него «гипнотизирующее влияние» [7, с. 196]; упоминает о том, что творческие поиски авторов современной эпохи «сродны» английской поэзии озерников [7, с. 155]; постоянно ссылается в программных статьях на поэтический и теоретический опыт английских поэтов [7, с. 132]. Более того – анализирует творчество одного из «краеугольных камней для здания акмеизма» – Теофиля Готье в рамках тесных связей с художественными исканиями поэтов-озерников: он был последний, кто верил, что литература - вселенная, регулируемая принципами, равноценными законам жизни, он ощущал себя гражданином этой вселенной. Он не разделял ее на высшие и низшие классы, на противоположные течения. Он уверенной рукой везде брал то, что ему было нужно, и все становилось чистым золотом в этой руке. <...> Романтик по своим порывам, он представил на наш суд незабываемые сцены в духе английской поэзии «Озерной школы» [7, с. 190]. Данный факт позволяет предположить, что к моменту написания посвященной Готье статьи (1911 г.), то есть к тому времени, когда Гумилевым были сформулированы основные положения акмеизма, «дух» старшего английского романтизма был ему хорошо знаком. И, возможно, в немалой степени повлиял на формирование тех мировоззренческих и поэтических принципов, которые были противопоставлены творчеству предшественников.

Тем более что идентичность одного из важнейших направлений поэтико-теоретических поисков поэтов акмеистического периода и эпохи романтизма отмечается самим Гумилевым, сравнивающим свою антиномию с оппонентами-символистами и художественными новациями художников-англичан:

Поразительность сравнений
символистов привела их
<приверженцев акмеизма> к самым
решительным виражам мысли;
неопределенность слова, к которому
они старались прислушиваться,
заставила отыскивать в естественной
народной речи новых – с более
определенным значением<...>. В

Кольридж и его друзья-
озерники, Вордсворт и Саути,
выступали за сохранение двух
тождественных требований –
образной истины и образной
глубины. Ради образной истины они
пренебрегли условными
выражениями, ложной поэтичностью
языка, <...> словом, всего, что

конечном счете, уважая поэтов-символистов за то, что они показали смысл символа в искусстве, мы против приношения ему в жертву иных путей стихотворного влияния и пытаемся найти их абсолютное единство [7, с. 189].

скользит по поверхности сознания, не волнуя его и не удовлетворяя потребности в новом. Их язык пополнился множеством народных речений и чисто коллоквиальных оборотов <...>. Ради поэтической полноты они желали, чтобы их произведения удовлетворяли не только воображению, но и чувству [7, с. 196].

Вместе с тем во всем многоголосии анализируемых литературоведами аллюзий, переключек и аналогий поэзии английских романтиков отводится, пожалуй, довольно скромная роль. Парадоксальным образом, ученые-гумилеведы, в унисон, отмечая сходство важнейших гумилевских мировоззренческих и образных идей и художественно-философских новаций романтического периода в литературе, а также факт особого «духовного братства», объединяющего Гумилева и авторов старшего английского романтизма, абсолютно не предпринимают попыток проанализировать природу данного единства, оставляя без объяснений уникальные характеристики возникновения творимого поэтом художественного бытия [11].

Как правило, гумилевоведами выпускается из виду явное сходство гумилевской мотивации странствования в попытках найти совершенство и «дороги» поэтических героев европейского романтизма (а именно, новалисовского искателя «голубого цветка», персонажей поэзии Ф. Гельдерлина, как и направляющихся к «берегу далекой отчизны» в поисках равновесия и союза «света» и «тьмы», «юга» и «севера»; Старого Моряка Кольриджа, грезящего о гармонизации своего ужасного мира, о всепримирающей любви «к живому») [11].

Тем временем сопоставление создаваемого Гумилевым «инобытия» – иных поэтических вселенных, основанных на интеграции противоположных сил с основными художественно-онтологическими законами «озерной школы», может позволить уточнить ход эволюции романтической идеи, как в творчестве самого русского поэта, так и в поэтических исканиях западноевропейских романтиков; корректное определение наиболее характерного для Гумилева художественное выражение мысли о гармонизации мира в рамках романтического дискурса, а также прояснению вопроса об особенностях концептуально значимых связей акмеизма и европейского романтизма.

1. Художественный гнозис Н. Гумилева и романтиков: поиск Гармонии

В художественно-философском сознании России рубеж XIX-XX веков был отмечен возрождением традиций романтизма, вновь ставшего «новым

способом чувствования, новым способом переживания жизни» [4, с. 4], превратившегося в объект повышенного внимания поэтов, мыслителей, исследователей. Среди факторов, обусловивших актуализацию романтических идей в творчестве русских художников, особое место занимала специфическая духовная атмосфера эпохи «конца века», с одной стороны, наполненная ожиданием грядущих перемен и мировых катаклизмов, а с другой – осознанием необходимости нового отношения искусства к жизни, которое позволило бы поэту воскрешать утраченную гармонию порядка и хаоса, возвращать устойчивость и равновесие миру, попавшему под власть роковых, иррациональных сил.

Востребованными оказались и эстетические, и культурно-исторические концепции романтиков и, конечно же, особое романтическое представление о поэте, пытающемся в творческом процессе преодолеть противостояние конфликтующих начал «истинной» и «неистинной», конечной и бесконечной, субъективной и объективной природы.

Непосредственное воздействие европейского романтизма на литературу и в целом на искусство русского модернизма признается большинством исследователей литературных связей и взаимодействий [5, с. 36].

Гумилев, идя «вглубь времен», обращается к опыту тех, кто предложил свой особый способ «гармонизации хаоса» [20, с. 204] и чьи художественные модели бытия отличались от традиционного романтического двоемирия, а взгляды на природу творчества и задачи художника – от свойственного романтизму восприятия поэта в качестве посредника между несовершенным данным миром и Абсолютом, то есть обращается к творчеству английских романтиков.

По собственному признанию Н. Гумилева, особенно глубокое впечатление на него произвел присущий представителям старшего английского романтизма «взгляд на человека как на заблудившегося ребенка», который пытается «постигнуть связь между собой всего живого, бесконечно радостную и действительную любовь» в реальностях, открывающихся перед ним [7, с. 19]. И, как показывает анализ и первых сборников Н. Гумилева, и произведений более позднего периода, именно продвижение от мира к миру в поисках идеала, которым в художественных вселенных, творимых русским и английскими поэтами, стало «равновесие сил», явилось основой «духовного братства», связавшего между собой творчество Гумилева и поэзию В. Вордсворта, С. Т. Кольриджа, Р. Саути.

Безусловно, единство истины и гармонии не является идеей, характерной только для поэтов английского романтизма. Практически одновременно с Кольриджем о тождестве великолепия (оно представляется равновесием и проникновением духовного и материального) и истины в природе и в произведении искусства пишет Ф. Шеллинг, красоту и истину можно считать едиными. <...> Правда, которая при этом не является красотой, не считается абсолютной истиной, и наоборот [19, с. 86]. Однако и истина, и гармония-красота Шеллинга интересуют, главным образом, касательно их единства в

бесконечном. В «Философии искусства» антагонизируют между собой конечные и абсолютные истина и красота: «Слишком привычная оппозиция истины и красоты в искусстве базируется на том, что под истиной понимается лживая истина, и она означает только конечное. Благодаря имитации данной истины появляются такие художественные произведения, в которых мы восторгаемся талантом художника, изображающим природный мир, но не соотносящим его с божественным. Такая истина не является еще прелестью в искусстве, а только абсолютная красота в творчестве есть вместе с тем и его настоящая истина в настоящем смысле слова» [19, с. 87].

В художественной философии английского романтизма утверждается совершенно иное направление поисков гармонии и истины: целью творческих усилий поэтов-озёрников становится не «потенцирование» несовершенной земной действительности – восстановление утраченной гармонии бесконечного и конечного (через преобразование последнего) и не укрепление связи между Я и высшей реальностью – «возвращение» человечества в совершенный высший мир. Лирических героев английских поэтов толкает в путь не стремление «вверх» – к вечному и бесконечному, а жажда равенства всех сил вселенной.

Если в произведениях Вордсворта мы видели утверждение полной гармонии тьмы и света, то и в художественном мире, творимом Кольриджем, в качестве поля, на котором осуществляется гносеологический поиск, выступает реальность Природы, в котором конечное и бесконечное, земное и небесное находятся в состоянии гармонии.

Причем здесь реализуется не только отказ от мысли о непримиримом противостоянии полюсов, но и фактическое снятие оппозиции «земли» и «неба», поскольку мир, находящийся «на облаках», представляется «подобным» земным озерам и вершинам.

Если Гумилев пишет о свойственной символизму «безнадежной, немецкой серьезности», которую акмеизм был призван преодолеть при помощи «светлой иронии» [7, с. 17], то в цитированных стихотворениях английского поэта мы наблюдаем резкое диссонирование поэтической мысли Вордсворта с построениями его немецких современников, у которых не что иное, как непреодолимый антагонизм света и ночи, настоящего и прошлого, становится фундаментом творимых моделей двоемирия.

У самого Гумилева мы без труда обнаруживаем те же, что и у английских предшественников, взаимосвязи идей. Его лирический герой не просто убегает из городов на волю. В Природе, по сути дела, все герои его ранней лирики желают найти не что иное, как истину, последовательно предстающую в образах Девы Солнца – Божественной Любви и чистоты («Дева Солнца»); Девы Мира («Сказка о королях»); «лилии голубой» («Сонет»), вечно радостной и священной чаши Грааль («Я откинул докучную маску...»). И уже в самых ранних произведениях мысль о побеге «из душных городов» дополняется стремлением к неким новым, недостижимым «здесь» знаниям. При этом Гумилев так же, как и английские поэты, сознательно переносит свои поиски в плоскость, далекую от «алмазного холода» теологии [7, с. 19].

Причем у Гумилева уже в самых ранних произведениях находит отражение мысль, впоследствии оформившаяся в одно из важнейших для его мировоззрения и поэтики положений. Так, если в статье «Наследие символизма и акмеизм» речь идет о «мириадах иных возможностей бытия», о которых «мы ничего не знаем, кроме того, что они существуют» [7, с. 19], то в «Сказке о королях» мы видим одновременное присутствие многих, казалось бы, взаимоисключающих, векторов поиска существующего в мире совершенства.

Однако особая позиция героя уже ранней гумилевской лирики обусловлена все же не обычным «романтическим» пафосом (тем более что мотив «отнятия» истины у Бога вряд ли является «обычным романтическим», ведь философия европейского романтизма (в лице Ф. Шеллинга) утверждает совершенно обратное – «пассивную» позицию художника-медиума, воспринимающего и отображающего абсолютную истину и абсолютную красоту), а также не влиянием символизма, но, в первую очередь, взглядами самого поэта, получившими развитие в «Жемчугах» и окончательно оформившимися ко времени официального провозглашения акмеизма. Например, его тезисом о множественности «возможностей бытия», мыслями о «самоценности каждого явления» и о ненужности «догматов», которым было бы необходимо служить [7, с. 18].

Гораздо более важным, является сам мотив получения знаний из демонического источника, который у Кольриджа, как и у Гумилева, по существу, является отражением идеи полинаправленности поиска (ведь Моряк, наделенный «дьявольскими чертами», и даже названный самим «Сатаной», в то же самое время не утрачивает способности молиться (Coleridge, 23)). Впрочем, в современных комментариях гумилевской «Сказки...» содержится и несколько иная трактовка гумилевского Люцифера: «Люцифер (несущий свет) – в тайных доктринах герметической философии, прежде всего – у гностиков – важнейшее космическое идеальное начало, знак «тайны» мироздания, открывающейся лишь посвященным высокой степени» [8, с. 357]. Однако для нас важно, что в любом случае принятие лирическим героем «кольца» от Люцифера является внехристианским, «еретическим» путем к истине.

Еще одним пунктом, объединяющим художественное мироздание Н. Гумилева с поэзией английских романтиков, становится совмещение представлений о мире истины с идеей гармонии, с мыслями о возможном в нем равновесии. Ведь самый первый урок, который получает «сбежавший в леса» лирический герой неопубликованных «Гор и ущелий», – это возможность гармоничного сосуществования жизни и смерти [10, с. 10].

О равновесии ночной тени и солнечного света, веры и «понимания», которое должно стать заменой прежнему «больному знанию», говорится в стихотворении «Credo» («Мне все открыто в этом мире – / И ночи тень, и солнца свет»; «И, жарким сердцем веря чуду, / Поняв воздушный небосклон <...>» [8, с. 38]). Символами совершенства и гармонии являются также и Лилея голубая, и Грааль. Своего рода равновесие обещает и встреча с Люцифером: переносясь «на выси сознанья» с подаренным им кольцом, гумилевский герой

находит там деву, в чьем взоре «сплетались ответ и вопрос» [8, с. 61]. А позже во «Сне Адама» гармония прямо будет названа тем знанием, которое может быть получено в мире природы и, фактически, оказывается истиной, постигнутой у Древа Познания.

Таким образом, первой идеей, объединяющей уже раннюю лирику Гумилева с поэзией старшего английского романтизма, становится идея равновесия противоположностей, которое понимается как гармоничное сосуществование противостоящих друг другу начал мира и является для поэтов не чем иным, как воплощением истины.

Конечно, вряд ли можно говорить о прямой актуализации идей английских романтиков в творчестве Гумилева, ведь поэт не был эклектиком, который, заимствуя, переносил в свои произведения идеи и схемы предшественников и современников. Он всегда видоизменял взгляды оппонентов и единомышленников, развивая и зачастую коренным образом перерабатывая их теории, превращая последние в неотъемлемую часть собственных поэтических концепций. Однако идеи, составившие квинтэссенцию старшего английского романтизма, в силу своей универсальности в эпоху духовного кризиса на фоне принципиального противостояния с предшественниками дали на благодатной почве гумилевского акмеизма всходы, схожие с тем, что мы наблюдаем в построениях самих английских поэтов [12, с. 42].

Так что вполне закономерно, что и у русского, и у английских поэтов стремление к гармонии сил, то есть к совершенству, не исключает существования «страшного», несовершенного, всякий раз разрушающего предполагаемое равновесие (у Кольриджа, например, рядом с гармоничным бытием «Полуночного мороза» существуют и страшный мир «Оды к уходящему году», и жуткое инобытие «Поэмы о Старом Моряке», в которой «родина» и мир Духа Мглы не способны «гармонизировать» друг друга, поскольку последний получает явный перевес).

2. Сотворение гармонии в «творимых» мирах акмеизма и романтиков

Поэтому не удивительно, что и у Гумилева, и у английских поэтов наряду с исполненными оптимизма поэтическими декларациями звучат также и признания совершенно иного рода [22]. Так, в текстах Вордсворта мы обнаруживаем не только призывы затеряться в горах, морях и травах, раствориться в созерцании «пышного празднества Природы», ответить на ее «вещий зов», но и предупреждение: под прелестью и загадочным волшебством природного мира прячутся мрачные тайны и смерть.

Не менее отчетливо мотив отсутствия равновесия (а значит – и истины) в мире Природы озвучивается в произведениях С. Т. Кольриджа, который практически одновременно с началом странствия своих героев к равновесию констатирует его печальный итог. С одной стороны, в текстах 1797 – 1798 годов поэт пытается убедить: «Нет ничего печального в Природе!», почти

предлагает «слиться» с ее голосами. И вместе с тем, в «Оде уходящему году» (Ode to the Departing Year), относящейся к тому же периоду в его творчестве, возникает образ ужасного Бога Природы (God of Nature), призванного уничтожить человечество.

А чувство одиночества главного персонажа «Полуночного мороза», который предаётся думам о загадочных холмах, озерах и лесах, преисполненного чувством гармонии и совершенства, царящих в окружающей его Природе, и видящего в них своего рода залог возможности все узнать и понять, разительно отличается от одиночества, затерявшегося между небом и водой героя «Поэмы о Старом Моряке», чье сердце «жжет ужасная боль», не позволяя прекратить скитания.

А сами скитания происходят при постоянном присутствии страшных видений и при нагромождении жутких существ: женщины-Призрака (Spectre-Woman), призрачного корабля (skeleton-ship), «огней смерти» (death-fires), полярных льдов, всевозможных химер и слизней (slimy things), мертвецов и демонов, наконец, Духа Мглы, который сначала был ночным кошмаром, а затем воплотился в кошмарное бытие [11].

В «Жемчугах» же мысли о «страшном» характере реальности, о недостижимости гармоничного состояния в нем только усиливаются. Если для английского Вечного Жида самым страшным в его участи становится неприкаянность: все обитатели земли, кроме него, находят приют, «спешат куда-то / В сень родную – на ночлег», начиная с «потоков» и «туч», которые могут «заснуть» в «глубоких долинах» или «улечься за холмами», и, заканчивая «морскими обитателями», чьим пристанищем являются морские волны, то и в «Заводях» Гумилева, как абсолютно справедливо отмечает Ю. Верховский, «мирные и тихие представления<...> дома, тех, у кого есть дом – или вызывают печаль одиночества,<...> или заставляют бездомное сердце мучиться» [6, с. 517].

Практически в каждом из текстов поэта, в которых автор декларирует стремление к равновесию-истине, в то же самое время признается ее отсутствие. В «Деве Солнца» грезы о любви, чистоте «лазурного дня» заканчиваются ужасным разочарованием, когда уже, казалось бы, обретенный идеал ускользает.

В «Песне о певце и короле» «гармония», проникающая в новый замок, воздвигнутый над мрачной бездной, оказывается обманом, существует лишь в виде «больной песни».

В «Сказке о королях» все пути, ведущие к истине – и «нирванический», когда равновесие – это «жизнь без счастья, без печали», и принятие истины от Люцифера, и попытка добыть «правду у Бога», – в конечном счете, объявляются тупиковыми.

В свете недвусмысленных и настойчиво повторяемых признаний сложно полностью разделить мысль о том, что движение у Гумилева – это всегда «божественное движение», «паломничество», религиозное служение, «символ Абсолютного начала» [12, с. 11; 17]. Ведь исследуя «семантическую систему,

которую возможно определить атрибутами начала движения, пути и цели», которая является «определяющей для стилистической и образной специфики многих изданий Гумилева разных лет творчества» [12, с. 8], мы видим, что гумилевский «путь» (вернее – «черные пути») осуществляется в компании не только «привыкшего к сумрачным победам», но и иных странных, зловещих и часто враждебных спутников. К их числу на стартовом этапе относятся и беспощадный «бог Тревоги» («Избиение женихов»), и «грусть ледяная», и мысли о «счастье без рая» («Осень»), и ужасный «Призрак Счастья» («Ягуар»). И контекст, в котором действуют гумилевские «вышел», «иду», «шли», «достигли», достаточно сложно интерпретировать как фон, на котором искания не только «христианской», но и вообще «Истины» могут завершиться успешно [12, с. 9].

Гумилев резюмирует, говоря, что «подлинный мудрец всегда сужает рамки своего любопытства, прекрасно помня о том, что есть области, недоступные для человека, – то священное, тайное Начало бытия, в которое можно только верить» [12, с. 48]. Неудача в поисках «знаний» и гармонии, постигающая лирических героев английских поэтов, также представляется вполне закономерной в свете тезисов, озвученных в их программных произведениях. Ведь, например, Кольридж, говоря о недопустимости «праздных рассуждений о непостижимом», определяет «трепет души» как единственно возможное состояние художника при сближении с непознаваемым.

Однако и Гумилев, и его первые «духовные соратники» находят дальнейшие пути решения проблемы равновесия-истины. Их объединяет не только поиск существующего в мире равновесия, но и общий поворот поэтической мысли, когда Природа (лесные массивы, водная гладь) начинает трактоваться не только в качестве вместилища всего опасного и неведомого, но и как своего рода «передаточное звено» [15, с. 45] в продвижении к иному бытию, с которым теперь связываются представления о возможном совершенстве.

Отличительной чертой художественно-философских систем, создаваемых и Н. Гумилевым, и английскими романтиками, явилось одновременное присутствие в них мотивов поиска истины и гармонии, разочарования в результатах исканий и вместе с тем – стремления к преодолению антагонизма полюсов и сотворению отсутствующей в мире гармонии.

Не случайно, комментируя гумилевские акмеистические заявления о «приятии мира», уже Г. П. Струве писал: «Выражая <...> свое прятие мира, Гумилев, однако, принимает его не объективно. <...> Для него даже не существует мира обычной, повседневной действительности. Мир Гумилева – это мир, преображенный его творческой волей» [15, с. 31].

Эта специфическая гносео-онтологическая система, в которой процессы познания и создания реальностей оказываются неразрывно связанными друг с другом, в корне отличает художественную философию Гумилева от построений его современников-символистов [11]. В частности, от символистской трактовки образа воды (моря, озера). Так, К. Бальмонт пишет о море в 1911 году: «Море никогда не рассказывает своих тайн. В море ничего нельзя увидеть, кроме него

самого, «неугасающего, тоскующего, движеньями волн своих рисующего узоры, которые всегда повторяются и каждое мгновение возникают в первый раз» [1, с. 140].

Однако тот факт, что особый взгляд на проблемы познания и творения не только коренным образом отличает поэзию Гумилева от творчества его соотечественников, но и вплотную сближает гумилевскую художественную философию с творческими исканиями представителей английского романтизма, оставался и продолжает оставаться вне поля зрения исследователей. Тем временем, сам Гумилев определил, возможно, главную, на его взгляд, цель художественно-философских исканий поэтов «Озерной школы»: «Кольридж и его друзья полюбили природу не столько ради нее самой, сколько из-за возможности постигать при помощи нее <...> тайну вселенной. Настоящее озеро, которому Кезикское было только внешним воплощением, они искали в глубине своего духа и, смотрясь в него, постигали близость миров невидимого и видимого. Нечто схожее проглядывает и в произведениях современных русских поэтов» (и в свете выявленных в результате проведенного анализа особенностей гумилевских «вод» и «глубин» можно предположить, что первым среди таких поэтов был сам автор приведенных строк) [7, с. 187].

В свете данного смещения акцентов – переноса представлений о возможности достижения равновесия-истины с бытия на сферу инобытия – вполне закономерным выглядит возникновение деклараций, озвученных Гумилевым в акмеистическом манифесте, а Кольриджем – в программной «Эоловой арфе» (The Eolian Harp). Не предпринимая попыток изменить взаимоотношения начал, существующих в данной вселенной, делая вывод о бесперспективности проникновения в область неведомого «отсюда», Гумилев позволяет своим лирическим героям приблизиться к искомому уже в новом мире, в котором действуют иные, отличные от действующих в данном бытии, законы [11]. Если в гумилевском программном манифесте мы читаем: «Бунтовать во имя иных условий бытия здесь, где есть смерть, так же странно, как узнику ломать стену, когда перед ним – открытая дверь» [7, с. 18], то, например, в «Путешествии в Китай» обретение «счастья».

В художественном пространстве, создаваемым Гумилевым, также, прежде всего сам путь к новой реальности, процесс обретения / создания гармонии может восприниматься как «счастье». Именно об этом мы читаем в «Путешествии в Китай» (где достигаемое странниками бытие, как постепенно становится понятно, представляет собой не что иное, как результат слияния диаметрально противоположных полюсов).

Таким образом, на вопрос, сформулированный еще в ранней гумилевской «Сказке о королях», –

Кто узнает, что томится

За пределом наших знаний...

– и сам поэт, и его английские предшественники дают общий ответ. Идея равновесия как истины трансформируется у них в представления об истине-синтезе, и поиски гармонии приводят к созданию совершенно особых

реальностей, в которых возможно не просто утверждение паритета, но и синтез разнонаправленных сил.

2. Истина-инобытие в художественных мирах Н. Гумилева и поэтов «Озёрной школы»

Основной идеей, объединяющей художественное мироздание Н. Гумилева и творчество старших английских романтиков, является идея равновесия как гармоничного сосуществования противоположных начал, воплотившаяся в создании художественных моделей бытия, основанных на принципе равноценности полюсов (прежде всего, добра и зла). Начальным этапом онтологических и гносеологических исканий русского и английских авторов является поиск гармонии в окружающем бытии, имплицитированный в общих для Гумилева и романтиков мотивах «бегства» из городов «в леса», возвращения «в Природу», приобщения к ее мудрости. У Гумилева об исканиях первоизданной «чистоты» и идеала, о гармоничном сосуществовании жизни и смерти, света и тьмы, знания и веры главным образом говорится в ранних текстах (в неопубликованном сборнике «Горы и ущелья», в «Пути конквистадоров»). В произведениях английских романтиков тема пути к Природе, а также отказ от противостояния антагонизирующих начал бытия наиболее полно представлены в творчестве поэтов озерной школы (в частности, у В. Вордсворта и у С. Т. Кольриджа), в работах которых прослеживаются знакомые по гумилевским произведениям идеи: побег из «дымных городов» на «волю», трепетное отношение к природе как к храму и призыв служить ей и учиться у нее, уверенность в возможности примирения земли и неба, покоя и движения, ночи и дня, холода и тепла...[11].

Вместе с тем и в произведениях Гумилева, и в текстах английских поэтов наряду с убежденностью в реальности равновесия-истины звучат мотивы безнадежности поисков гармонии, непримиримости противостоящих друг другу сил. Английские поэты практически одновременно с началом пути к совершенству декларируют его неутешительный итог [9, с. 158]. Так, у Вордсворта в унисон с призывами раствориться в созерцании «пышного праздника Природы» звучит предостережение: под волшебством и таинственной прелестью природного мира скрываются мрачные тайны и смерть. Кольридж, с одной стороны, убеждает в том, что в Природе «нет ничего печального», с другой же – в «Оде уходящему году» создает образ ужасного Бога Природы (God of Nature), призванного уничтожить человечество, говорит о невозможности мирного сосуществования света и тьмы. У Гумилева поиски гармонии и истины также всякий раз оказываются безрезультатными.

Итогом разочарования в возможности найти равновесие противоположно направленных начал у Гумилева, и у художников английского романтизма становится мысль о необходимости ее создания. И, по сути, наряду с мыслью о гармонизации антагонистичных сил в философско-художественных системах Н. Гумилева и лейкистов возникает концепция объединения антиподов.

Последняя отображается в практике творения искусственно созданных персонажей, в желании сближения представителей противостояния, а также в создании эксклюзивных художественных вселенных, базирующихся не на законе мирного существования контрастов, а на законе их взаимопроникновения.

Так, в произведениях Р. Саути навстречу друг другу стремятся «темное» и «светлое», предельно слившись в образе рыцаря из баллады «Радигер», который, являясь «духом зла», при этом наделяется автором качествами, несоединимыми со знакомой «демонической». Похожий образ создается в поэме С. Т. Кольриджа «Кристабель», где героиня-оборотень по очереди предстает то в «ангельском», то в «змеином», «дьявольском» образе.

Еще один уровень соединения разнонаправленных векторов описан Кольриджем во фрагменте «Кубла Хан», где соединение антагонистичных сил используется уже как способ прорисовывания «усложненного равновесия» – эксклюзивной вселенной, в которой осуществляется «смещение» полюсов («рая» и «ада»). Результатом данного процесса становится рождение некоего уникального единства – «первозданного» края, «святого» и «колдовского» одновременно, который и является для поэта выражением истины и идеала.

Данная степень равновесия начал, сотворенная Кольриджем, целиком соответствует всем тем картинам, которыми возможно восхищаться в поэтике Н. Гумилева. У русского художника первоначальные видения гармонии как отсутствия диссонанса разнонаправленных начал (воплотившиеся, в том числе и в уникальных законах строения образных систем, где «светлые» образы сбалансированы «темными») уже в «Романтических цветах» сопровождаются идеей объединения встречных начал, что в конечном итоге подводит к созданию образа «бледного и красивого» рыцаря - «дьявола», не разлагаемого на свои «добрую» и «злую» ипостаси.

Последующее созревание идея синтеза достигает у Гумилева в «Жемчугах», где синтез контрастов становится средством творения уникальных поэтических миров. Так, в стихотворении «Варвары» члены оппозиции юг – север начинают обретать характеристики друг друга, а в «Северном Радже» повествуется не столько о сплаве противоречащего, но и об итоге слияния – «новой меже» – мире гармонии «иной Индии», оказываясь в которой самим персонажам следует преобразиться и стать «новыми», а их странствия должны завершиться нахождением искомого равновесия. В результате в качестве инструмента построения иного мира слияние заявляется в «Открытии Америки», где, как и в «Кубла Хане» Кольриджа, сращивание направлено уже не со светлого ракурса, а антагонизирующие друг другу категории, и где распростертые перед Колумбом «заповедные кущи» – «обещанье» истины и гармонии, как и «первозданный край» Кольриджа, на самом деле являются конгломератом «рая» и «ада» [10, с. 17].

Заключение

Следовательно, переходным результатом онто-гносеологических устремлений Н. Гумилева и англичан-лейкистов является представление об истине как ином бытии, где реализуются понимания поэтами совершенного.

В художественном мироздании Н. Гумилева и в трудах английских авторов складываются специфические взаимоотношения «мира» и «инобытия». Если С. Т. Кольридж в своих теоретических работах делает вывод о равенстве характеристик Вселенной и любой ее составляющей, то в его стихотворном опыте в созданном ином бытии, которое, казалось бы, должно выступать как «высший идеал», открываются те же слабые стороны, что и в неидеальном «мире», и в первую очередь, отсутствие равновесия [11].

Основным свойством иного бытия оказывается его полная изолированность, а результатом изоляции этого мира – полное одиночество в нем лирических героев (еще более безусловное, чем в «страшных» лесах «природы»). В подобном положении оказываются и герои уже ранней гумилевской лирики (например, герой «Одиночества», изолированный в абсолютно замкнутом мире, а также Колумб, побывавший в синтезированном бытии и так же, как и Моряк Кольриджа, получивший печать отверженного).

Кроме того, и у Гумилева, и у Кольриджа особая природа огня, порождавшего иной мир, обусловила и основной недостаток этого нового бытия – отсутствие искомого равновесия. В «жутком» пламени зарождается демоническое бытие, в котором явный перевес оказался на стороне «дьявольского» начала (тем временем в литературных трудах русского и английского поэтов этот перекокс находит воплощение в похожем мотиве отсутствия христианских покровителей). В тексте Кольриджа о страшном характере иного бытия говорит также и тот факт, что при соединении с его верховным существом лирический герой наделяется традиционно «дьявольской» характеристикой: «огонь в глазах» («горящий взор», «пламя в глазах»). И вполне логично, что в этом несбалансированном мире Моряку так и не удастся найти внутреннее равновесие – избавиться от «сжигающей» душу тоски (так же, как и гумилевскому Колумбу, чей дух «томится, словно в склепе») [10, с. 18].

В произведениях Н. Гумилева содержатся еще более явные знаки на единственно возможный итог синтеза: предчувствие неудачи в постижении тайн вселенной, преимущественно «злая» природа бытия, в которое забрасывается лирический герой. В «Открытии Америки» речь идет о странной сущности синтезированного бытия, являющегося все же, скорее, «адам», чем райским садом. А в «Канцоне» из «Огненного столпа» дисгармоничное инобытие оборачивается все тем же несовершенным «здесь», гармония же вновь оказывается где-то «там» [11].

У Гумилева истинным оказывается, таким образом, сам процесс создания новых миров (появления «иных возможностей бытия»), с которыми всякий раз связываются надежды на приближение к истине, которая, однако, не может быть достигнута. Выявление концептуально-значимых схождений/расхождений

национально-культурных аспектов на языковом материале разных этносов может представлять логичное продолжение научных изысканий [21].

Список литературы

1. Бальмонт К. Д. Избранное. М.: Сов. Россия, 1989. 592 с.
2. Белый А. Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
3. Бердяев Н. Философия свободного духа. М.: Прогресс, 2001. 472 с.
4. Блок А. О романтизме // А.А. Блок. Избранное. М.: Панорама, 1995. С. 433 – 444.
5. Венгеров С. Этапы неоромантического движения // Русская литература XX века (1890-1910). М.: Издательский дом «XXI век - Согласие», 2000. Кн. 1. С. 19 – 64.
6. Верховский Ю. Путь поэта // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. С. 505 – 550.
7. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии / Н. С. Гумилев. М.: Худ. лит-ра, 1989.
8. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений в 10 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы (1902 – 1910) / Н. С. Гумилев. М.: Воскресенье, 1998. 502 с.
9. Дёрина Н. В. Художественное мировоззрение Н. Гумилева и романтическая идея: дис. ... канд. филолог. наук. Магнитогорск, 2009. 185 с.
10. Дёрина Н.В. Художественное мировоззрение Н. Гумилева и романтическая идея: автореф. дис. ... канд. филолог. Наук. Магнитогорск, 2009. 21с.
11. Дёрина Н.В., Залавина Т.Ю., Савинова Т.А., Савинов Д.А. Проблема инобытия в художественных исканиях Н. Гумилева И С.Т. Кольриджа // Общественные науки. Издательство: Автономная некоммерческая организация "Международный исследовательский институт" (Москва), 2017, № 2-1. С. 188-198.
12. Зобнин Ю. В. Странник духа (о судьбе и творчестве Н. С. Гумилева) // Н. С. Гумилев: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1995. С. 5 – 52.
13. Павловский А. И. О творчестве Николая Гумилева и проблемах его изучения // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 3 – 30.
14. Скатов Н. Н. О Николае Гумилеве и его поэзии // Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 5 – 12.
15. Слободнюк С. Л., Н. С. Гумилев. Проблемы мировоззрения и поэтики. Душанбе, 1992. 181 с.
16. Соловьев В. С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1990. 741 с.
17. Суворова Е.В. Теоретические проблемы инференции // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 176-180.
18. Фридендер Г. Н. С. Гумилев – критик и теоретик поэзии // Николай Гумилев. Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 30 – 55.
19. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. М., 1999. 572 с.

20. Coleridge S. T. The Theory of Life. In: Coleridge S. T. The Complete Works. Vol. 1. N. Y. L., 1897. 204p.
21. Zalavina T.Y., Dyorina N.V. National-Cultural Semantics Reflection of French Proverbs // Proceedings of the 14th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2017. P. 10-13.
22. Zerkina N., Kostina N., Lomakina Ye. Place and Role of English Classical Literature in Modern Educational Discourse. Procedia - Social and Behavioral Sciences Volume 199, 2015, Pages 459–463.

ПАРЕМИИ-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА ДЕНЬГИ В ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

*Залавина Татьяна Юрьевна,
кандидат филологических наук, доцент,
МГТУ им. Г.И. Носова*

Paroemia-Representant of Money Concept in Discourse

Tatyana Yu. Zalavina,

Введение

В современной лингвистике одним из центров внимания ученых являются вопросы изучения ментальных структур сознания – концептов, вопросы изучения паремий – носителей экстралингвистического знания, вербализации концепта паремиологическими средствами языка [7, 8, 9, 10, 11, 12, 14]. Целесообразность обращения пристального внимания к таким единицам языка, как пословицы, которые воспроизводят из поколения в поколение культурно-этнические установки, традиции народа, также определяет актуальность темы работы. Когнитивное направление лингвистики представляет собой способ изучения результатов отражения мыслительной деятельности человека на языковом уровне, результатов познания окружающей действительности и самих себя носителями языка [26, 21, с. 46]. At present, the subject of study of cognitive linguistics are mental units: a conceptual worldview, conceptual categories, concepts, frames, etc. В настоящее время предметом изучения когнитивной лингвистики становятся ментальные образования: концептуальная картина мира, концептуальные категории, концепты, фреймы и т.д. [39, с. 9693; 24, 25, 27]. Важное место в лингвистических исследованиях отводится понятию концепта как структурирующей сознание ментальной единицы, рождающейся в познавательном процессе объективной действительности. Процесс познания порождает и трансформирует концепты, на уровне которых имеет место быть «опредмечивание» окружающего мира языковыми средствами, эксплицирующими и уточняющими содержание концепта [28]. Несмотря на широкое распространение термина «концепт», он неоднозначно толкуется исследователями. Под концептом понимается глобальная ментальная единица, квант структурированного знания, национальный ментальный образ со сложной системой объективации [23, с. 8; 29, с.12]. Концепт отмечается как смысл, маркированный культурной составляющей, а также репрезентированный своим набором языковых знаков, формируемых определенную лексическую и семантическую парадигму [2, с. 27].

Разнообразные определения концепта объясняются наличием структурной многомерностью, сложностью, обладанием понятийной базой, и такими составляющими, как социальные, психические, культурные характеристики.

Эмоционально переживая их, у представителей этноса продуцируются определенные образно окрашенные ассоциации, оценки, характерные культурные коннотации [18, с. 11].

Проанализировав дефиниции, данные учеными этому термину, определяем концепт в качестве оперативной единицы памяти, кванта знания, в котором сконцентрирован когнитивный опыт народа как активного субъекта познания. Ореолом концепта служат эмоциональная, экспрессивная и оценочная составляющие [16, с. 374, 20]. Концепт находит свою реализацию языковыми средствами, обозначается словом, а также «для актуализации, уточнения значения и вербализации концепта люди прибегают также к фразеологии, особенно к компаративным фразеологическим единицам, которые способны не только констатировать значение, но и раскрыть «скрытые» семантические возможности концептов [11, с.124; 14]. Цель исследования состоит в изучении содержания, специфических особенностей семантической репрезентации концепта ДЕНЬГИ в русском и французском языках, репрезентации ценностей, содержащихся в паремиологических единицах о деньгах, через призму фреймовой классификации с описанием универсального и культурно-национального аспектов, закодированных в паремиях данных лингвокультурных обществ. Объектом исследования выступают паремиологические единицы, содержащие концепт ДЕНЬГИ. Предметом изучения выступает аналитическое сопоставление ценностного компонента концепта ДЕНЬГИ в русско-французских лингвокультурах, схожих и национально соотнесенных специфических черт, сопоставительное изучение паремиологических единиц русского и французского языков, используя фреймовую классификацию. Пословичный фонд многообразен, различен по происхождению, содержит культурные маркеры в области истории, культуры, быта, духа, мышления, ценностные приоритеты этноса. Пословицы, с присущими им образностью и меткостью, подмечают важные, особые фрагменты в жизни этноса [45, с. 11]. Исследуя пословицы, мы приобщаемся к культурным составляющим той страны и народа, язык которых изучаем [7, с. 376; 13].

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

- 1) сделать обзор основных научных точек зрения лингвистов к пониманию феномена концепта и определить его существенные характеристики;
- 2) определить базовые представления концептуального содержания понятия «деньги», идентифицировать лексемы, репрезентирующие концепт ДЕНЬГИ в русско-французских языковых ментальностях, в рамках дефиниционного сопоставления информации о лексемах «деньги», «argent»;
- 3) классифицировать паремиологические знаки по фреймам, выполняющих отражение объемной репрезентации содержания паремий данного концепта;
- 4) идентифицировать универсальное и национальное, существенное для языкового сознания русско-французского этносов.

Теоретическими постулатами изучения послужили труды представителей отечественных и зарубежных научных специалистов – представителей в

области когнитивной лингвистики, когнитивной семантики, теории концептуализации, паремиологии, лингвокультурологии: S.L. Arora, F. M. Barbour, L.W. Barsalou, W. Daniel, T.A. van Dijk, A. Dundes, A.G. Fauconnier, S. W. Felix, C.J. Fillmore, M. A. Forrester, R. P. Honeck, R. Jackendoff, G. Lakoff, M. Minski, W. Mieder, N. Norrick, G. B. Palmer, E. Piirainen, O. Tannen, Wang Qin, A. Wierzbicka, E. Ungerer, А.П. Бабушкина, Н.Н. Болдырева, Е. В. Вельмезовой, С.Г. Воркачева, В. П. Дьяконова, А. В. Борисова, О. А. Корнилова, Е.С. Кубряковой, В.А. Масловой, О.В. Магировской, В. М. Мокиенко, А.Г.Назарян, В.Н. Телия, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, А.П. Чудинова и многих других ученых.

Researches of French phraseological body are distinguished by the presence of nationally marked material and various possibilities of its study. Исследования фразеологического корпуса французского языка отличаются наличием национально маркированного материала и различными возможностями его изучения [44, с. 9694]. Материалом изучения стали паремии-объективаторы концепта ДЕНЬГИ в русско-французских языковых сознаниях. Источниками исследовательского материала послужили лексикографические данные двуязычных, толковых, фразеологических словарей, русских, французских словарей пословиц и поговорок, а также использовались интернет-источники по поиску данного тематического материала [25]. Выбор концепта ДЕНЬГИ обусловлен тем фактом, что он занимает одно из основных мест в системе национальных ценностей этноса. Различные проблемы, связанные с семантическим потенциалом и культурно-национальной обусловленностью паремий-репрезентантов концепта ДЕНЬГИ, на данный момент не до конца изучены, хотя и получили достаточное освещение. Деньги составляют неотъемлемую часть и необходимую составляющую нашей жизни. Изучая вербализацию ценностного компонента данного концепта на материале паремий, устанавливаются моменты сохранения ценностных суждений, свойственных языковому сознанию определенной национальности. За счет этого данный аспект исследования обладает научной новизной. Меняясь на фоне происходящих в обществе перемен, отношение к деньгам закрепляется разными способами обозначения этого аспекта языковыми средствами, в том числе на уровне паремий. Выявление особенностей данной понятийной сферы является актуальным для лингвистов, так как в самом слове, в его вербальной дефиниции, в ценностных суждениях, заключенных в паремиях, фиксируются результаты национальных когнитивных усилий человеческого разума. Изучение вербализации концепта ДЕНЬГИ на материале паремий, когнитивно-семантический анализ фреймовой организации пословиц вносит теоретический вклад в развитие общей теории лингвокультурологии, в междисциплинарное изучение вопросов когнитивной семантики, паремиологии, способствует дальнейшей разработке проблем, связанных с изучением взаимоотношения языка и мышления. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в создание общей теории лингвокультурологии, в междисциплинарное изучение научных вопросов когнитивной семантики,

паремиологии и способствует дальнейшему развитию положений, связанных с вопросами взаимоотношения языка и мышления. При использовании теоретических положений когнитивной лингвистики, когнитивной семантики к пословичному материалу в работе предложена фреймовая модель описания паремий, позволяющая наиболее экономным образом представить специфику русской и французской языковых ментальностей [24]. При использовании теоретических положений когнитивной лингвистики, когнитивной семантики к паремиологическим единицам в статье предлагается способ описания паремий через модель фреймовой организации данных языковых знаков, что дает возможность репрезентировать более экономным образом специфику ценностных суждений о деньгах в русской и французской лингвокультурах.

Практическое использование результатов и материала исследования возможно использовать при чтении теоретических и практических курсов по сравнительной паремиологии русского, французского языков, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, при составлении фразеологических словарей. Базовые положения исследования возможно применять при построении моделей классификации концептуальных сфер на основе другого языкового материала.

1. Базовые представления концептуального содержания понятия ДЕНЬГИ в русском и французском языках

Нашим вниманием отмечен паремиологический концепт как форма существования знаний о мире этноса, в частности концепт ДЕНЬГИ на материале паремий русского и французского языков. В системе этнических ценностей данный концепт занимает далеко не последнее место, так как деньги репрезентируют необходимую составляющую, неотъемлемую часть жизни человеческого общества. На фоне процесса происходящих в человеческом обществе перемен особый интерес вызывает отношение людей к деньгам. На этом основании одним из актуальных вопросов ученых представляется исследование способов обозначения и идентификации особенностей этой понятийной сферы на уровне языковых средств, так как результаты когнитивных познавательных действий человеческого разума зафиксированы в слове, его вербальной дефиниции [1, с. 76]. Русско-французские термины «деньги», «argent» представляются в наибольшей степени нейтральными понятиями и общими репрезентантами в синонимической линейке слов-понятий «рубль», «копейка» в русском языке и «franc», «sou» в французском языке. На основании нейтральных понятий они рассматриваются в качестве названия концепта, благодаря свойству легкой выделяемости общего значения денежной единицы. При этом лексем-универсалии характеризуются тем, что эмоционально и экспрессивно не окрашены, не маркированы по стилистическим признакам, семантически «прозрачны». Эти характеристики лексем-универсалий дают возможность видеть за ними состав концепта. Для определения понятийных компонентов лексем «деньги» в основу взят метод

дефиниционного анализа русско-французских толковых словарных источников, в том числе интернет-источников.

Русскоязычные словарные источники [18, с.124; 29, с. 96]:

1) Деньги:

- металлически, бумажные знаки, представляют меру стоимости в купле-продаже. Деньги из меди. Заработать больше денег.
- состояние, средства, капитал. Теперь он при больших деньгах. Не отдам ни за какие деньги. Время – деньги. Паремия.
- деньга, деньги. То же, что деньги (простореч.). Зашибать деньгу. Вольная деньга всегда водилась у Павлинского. Салтыков-Щедрин.
- деньга, деньги, ж. То же, что денежка в 1 знач. (истор.).

2) Деньги:

- металлически, бумажные знаки. Особые товары в докапиталистических формациях, которые представляют меру стоимости в рамках купли-продажи, средство платежа, предмет накоплений.
- средства, капитал, денежная единица. Законодательно установленная единица общего эквивалента действительных денег. Служит в качестве соизмерения и выражения цен товаров, представляет денежные знаки.

Аналогичные толкования лексемы «argent» отражены во франкоязычных словарных источниках [35; 36; 41, с. 34]:

1) Argent:

- Métal précieux, blanc, brillant et très ductile, inoxydable. (Élément chimique de symbole Ag, de numéro atomique 47, de masse atomique 107,87.);
- ce même métal mêlé à une certaine quantité de cuivre : Vaisselle d'argent;
- autrefois, monnaie à base de ce métal;
- toute monnaie métallique ou tout papier-monnaie accepté comme numéraire : Un portefeuille contenant de l'argent;
- ensemble du numéraire, des valeurs, des biens; fortune : Il a beaucoup d'argent; un des deux métaux héraldiques, s'indiquant en gravure par un fond uni.
- драгоценный металл, белый, блестящий и очень гибкий, из нержавеющей стали. (Химический элемент, символ Ag, атомный номер 47, атомная масса 107,87.);
- этот же металл, замешанный с некоторым количеством меди: Посуда из серебра;
- когда-то, прежде монета на основе этого металла;
- любые металлические или бумажные деньги, принимаются как наличные: кошелек для денег;
- все денежные средства, валюта, имущество; состояние: У него много денег;
- одна из двух монет с гербовой символикой, гравюра на общем фоне.

2) Argent:

- Argent est masculin. Le nom argent est masculin et il n'est employé qu'au singulier aujourd'hui pour désigner la monnaie (pièces ou billets de banque). L'argent volé a vite été retrouvé. Je garde cet argent pour tes études. Prends tout l'argent nécessaire.

– Слово *argent* мужского рода, употребляется только в единственном числе для обозначения денег (монета или банковский вексель).

3) *Argent*:

– Sens 1 – *L'argent est un métal précieux de couleur blanche, malléable, ductile et peu altérable, correspondant à l'élément chimique de symbole Ag et de numéro atomique 47. L'argent et ses composés sont utilisés en bijouterie, en photographie, en chirurgie dentaire, en thérapeutique, en électricité, en miroiterie, etc. C'est aussi la couleur de ce métal.*

– Sens 2 – Dans le langage courant, *l'argent est la monnaie sous toutes ses formes, pièces ou billets. Synonymes : monnaie, numéraire, espèces.*

– Sens 3 – Par extension du sens 2, le mot *argent désigne la richesse que représente la possession de monnaie ou plus généralement de valeurs monétaires. Synonymes : richesse, capital.*

– Значение 1 – серебро - драгоценный металл, белого цвета, гибкий, химический элемент, символ Ag, атомный номер 47. Серебро и его соединения используются в ювелирных изделиях, в фотографии, в зубной хирургии, электричестве и т.д. Это также цвет этого металла.

– Значение 2 – в разговорном языке слово *l'argent* обозначает все виды денег, монеты, бумажные деньги. Синонимы: монета, наличные, деньги, звонкая монета.

– Значение 3 – в широком толковании слово *l'argent* обозначает богатство, владение деньгами, валютой. Синонимы: богатство, капитал.

4) *L'argent*:

– sm. (l. *argentum*), *métal blanc; monnaie; richesse.*

– происхождение от лат. *argentum*, белый металл; деньги; богатство.

В результате сопоставления словарных толкований понятия «деньги»/«*argent*» в русском и французском языках можно сделать вывод, что базовые представления концептуального содержания понятия «деньги» – металлические и бумажные знаки, капитал, состояние, средства; денежные средства, валюта, имущество, состояние, монета, банковский вексель, наличные, богатство – в обоих языках совпадают. Это позволяет говорить об универсальности концепта ДЕНЬГИ. Но нужно отметить отличительную особенность французского слова «*argent*». Оно в первом значении означает «серебро» (*lingot d'argent* – слиток серебра). Этимология этого слова восходит к старофранцузскому *argent*, латинскому *argentums* «серебро». Затем от пра-и.е. корня *h₂ eḡnt-, от *h₂ eḡ- «белый», откуда также др.-греч. *ἀργός* «белый». А во втором и третьем значениях *argent* – металлическая монета, бумажная монета и капитал, денежные средства, богатство, то есть всё, что складывается из этих монет.

Поскольку для концепта характерно наличие понятийного, чувственно-образного, ценностного компонентов, то можно предположить, что понятийный компонент для концепта ДЕНЬГИ сформирован металлическими, бумажными денежными знаками, капиталом, состоянием, богатством. Базовым когнитивным слоем с чувственно-образным ядром обладает любой концепт, так

как без него концепт не может функционировать в качестве дискретной мыслительной единицы в универсальном предметном коде [23, с. 41]. Для установления ценностной части концепта ДЕНЬГИ берутся во внимание паремии языка, в которых говорится о деньгах, об отношении к ним, дается им положительная или отрицательная оценки. В качестве доминантных лексем-репрезентантов рассматриваемого концепта выступают лексем-номинации денежных средств в русском и французском языках как "деньги", "рубль", "копейка", и "argent", "franc", "sou". Во французской фразеологическом корпусе слово "sou" сохранилось и представлено в небольшом количестве фразеологических единиц, несмотря на то, что оно имеет статус устаревшего наименования денежных единиц. Слово "franc" в качестве наименования денежной единицы (равная 100 сантимам) широко использовалось до 2002 года во Франции, Бельгии, их колониях, в Швейцарии, Люксембурге. Исторически и экономически сложилось так, что в настоящее время в Европе употребляется единая денежная единица «евро». Тем не менее на фразеологическом уровне языка отражен исторический, обиходно-эмпирический опыт этноса, связанного со сферой денег, с традиционным отношением народа к деньгам.

2. Паремии как объект изучения когнитивных исследований отечественными и зарубежными учеными

Материалом настоящего исследования послужили паремиологические единицы, вербализующих концепт ДЕНЬГИ. Паремии становятся интересным объектом когнитивного изучения, которое идентифицирует механизмы обработки человеческим сознанием информации об окружающей действительности. Известно, что фразеологические словосочетания, в том числе и паремии, воспринимаются не в буквальном смысле, а в переносном по той причине, что они опираются на концептуальные конструкторы, заранее известные носителям языка [39, с.54].

Традиционно к паремиологическим единицам относятся пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения и многие другие изречения, которые передают в кратких образных выражениях традиционные взгляды, отношения, ценности этноса с опорой на жизненный опыт. В паремиях отражается результат когниции/познания окружающего мира, общих и своеобразных представлений когнитивного осознания этносом окружающей действительности, демонстрируя совокупность упорядоченных знаний – национальную концептосферу. На самом деле, паремии систематизируют мнения, знания этноса об окружающей действительности, отражают опыт познания языковыми знаками [18, с.11]. Во-вторых, «пословицы – это разновидность культурных утверждений, аксиом» [42, с.132, 22]. Другими словами, паремии отражают особенности языковой картины этноса, инвариантной частью которой является паремиологическая картина мира. Паремиологическая картина мира отражает специфические характеристики,

сохраняемые во внутренней форме паремий. Например, паремии *Si vous voulez savoir le prix de l'argent, essayez d'en emprunter*. Если хотите узнать цену деньгам, возьмите займы. *Argent emprunté s'en va en riant et revient en pleurant*. Деньги, взятые в долг, тратишь смеясь, а возвращаешь плача, со слезами. Берешь деньги чужие, а отдаешь свои. *L'argent emprunté porte tristesse*. Деньги, взятые в долг, приносят грусть, печаль являются экспликацией когнитивного пространства «деньги» в русском, французском языках. В них отрицательно оценивается такое действие, как «брать в долг, займы» через стереотипное моделирование типичных ситуаций о том, что возвращать деньги приходится свои, что от денежного долга на душе печаль, грусть [25].

По мнению А. Dundes, имплицитные признаки мировидения переходят в эксплицитные именно в фольклоре, на этом основании исследование паремиологических единиц предполагает реальное реконструирование пословичной картины мира [33, с. 122]. Паремиология любого языка базируется на тесной связи с историей, культурой и бытом народа, в ней воплощены его дух, способ мышления и ценностные ориентиры. В паремиях образно и метко подмечены важные, существенные моменты жизнедеятельности человека. Они легко запоминаются благодаря созвучию, ритмике, рифме, украшая и обогащая нашу речь.

Взгляд французских и отечественных исследователей на паремии в целом совпадают. М. Maloux относит к пословице краткое изречение народной мудрости, выражающее нравственную истину, как образное выражение о практическом отношении к жизни, сравнивает пословицу со знаменитым двустушием, превратившимся в пословицу [38, с. V]. Паремиолог С. Хатага видит в пословице устойчивый фразеологический знак, признанный всем языковым сообществом, и воплощающий обобщенный опыт, формулируя его в виде сжатого и законченного образного предложения в функции поучения, совета, утешения, предупреждения, замечания, ругани [40, с. 39].

Специфическую категоризацию реального мира паремиями, отражающих особый взгляд этноса на окружающую действительность, возможно идентифицировать посредством описания взаимодействия языковой и когнитивной деятельности в рамках вторичной номинации концепта по типовым моделям категоризации – пропозициональным, схематическим, метафорическим, метонимическим. О.В. Магировская считает, что эта специфика выявляется посредством выбора лингвистических средств для вербализации концепта, специфического создания образа для вторичной номинации концепта, степени имплицитности смысла, актуализируемого концептом [16, с. 10].

При таком подходе к изучению паремий возможно глубже и точнее отразить их концептуальное знание о мире или содержательный аспект, совокупность ментальных стереотипов, проследить источники и мотивацию их возникновения.

Некоторые лингвисты, как Ш. Арора, В. Мидер, А. Тэйлор, и многие другие ученые исследуют паремии в рамках конкретных проблем западного

общества [31, с. 76; 39, с. 36]. В следствии этого их научным трудам свойственен узконаправленный, прикладной характер. Лингвисты W. Mieder, A. Dundes с особым вниманием изучают отдельные пословицы в синхронно-диахроническом срезе с учетом их функционирования в речи [35, с. 22; 40, с. 45]. В. Мидер исследует дидактико-методическую ценность паремий в преподавании и овладении иностранными языками. Лингвисты D. Karlheinz, K. Higbee изучают паремии в рамках психологического аспекта их функционирования, а M. Barbour, W. Daniel изучают лингвокультурный характер функционирования паремий [33, с. 18]. Лингвист Wang Qin придерживается мнения о целесообразности использования паремиологического фонда в процессе изучения иностранного языка, поскольку в паремиях отражена уникальная лингвистическая информационная составляющая об особенностях историко-экономического и культурного развития этноса, говорящего на данном языке [41, с.39].

Зарубежные лингвисты активно исследуют когнитивные процессы, которые формируют основу создания, употребления, понимания паремий, прагматическое функционирование пословиц, способы категоризации ситуаций, событий, окружающей человека реальной действительности [41, с. 82, 21, с. 45]. Когнитивный подход предлагает возможность рассматривать пословицы как репрезентантов абстрактного структурирования сознания. Например, лингвист Г. Палмер рассматривает паремии в роли разновидности культурных постулатов. Их когнитивный статус аналогичен пропозициональным моделям – пропозициям-схемам, которые структурируют знания о реальной действительности. Он дает следующую дефиницию постулатам: «Postulate is ... a verbal predication with relatively abstract cultural imagery at its semantic pole» [40, с. 37]. Для Г. Палмера постулаты являются высшим уровнем абстракции. Ученый соотносит их с религиозными догмами, фольклорной философией, которые отражаются в паремиях. Эти единицы языка фиксируют знания и опыт, передаваемые из поколения в поколение, объективируют основные признаки концептов. Благодаря этому паремии отражают специфичность познавательного процесса этноса, дают возможность мониторинга особенностей ассоциативного механизма при восприятии мира. Но тем не менее очевидными становятся общие тенденции исследования паремиологических знаков. Отечественная лингвистика активно проводит изучение паремий через призму их национально- культурного аспекта и метода когнитивного анализа. Французско-русским пословицам присущи все свойства лингвистического знака, которые проявляются в назидательном характере, диффузивности семантики, сохранении компонентами пословиц своих индивидуальных значений, речевом употреблении для обобщения в назидательной форме какого-либо высказывания или мысли. Назидательный характер пословиц связан с выполнением их дидактико-прескриптивной языковой функцией: *sobriété est mère de santé* “умеренность – мать здоровья”, *mauvais accomodement vaut mieux que bon process* “худой мир лучше доброй ссоры”.

Денотатом пословиц служит класс ситуаций, а не конкретная ситуация, что обуславливает диффузивность их семантики: *tant vaut l'homme, tant vaut la terre* “каков строитель, такова и обитель”, *ventre affamé n'a point d'oreilles* “голодное брюхо ушей не имеет, голодное брюхо к учению глухо” и многие другие. Компоненты пословиц сохраняют индивидуальные значения, например, *tel père, tel fils* “каков отец, таков сын”, *le mieux est l'ennemi du bien* “лучшее – враг хорошего”, *sitôt dit, sitôt fait* “сказано - сделано”, *quand on parle du loup, on en voit la queue* “про волка речь, а он навстречь, легок на помине” и многие другие. Употребление в речи для обобщения в назидательной форме какого-либо высказывания или мысли делает пословицы эффективными средствами организации текста. Пословицы включаются в речь не только как коммуникативные языковые единицы – предложения, но и могут быть частью предложений. – *La faim chasse le loup du bois et la petite peur pousse aux excuses, hé? dit-il. Tu es coulé, hein, mon bon?* – Что голод не тетка, а от страха за свою шкуру запросишь прощенья, не так ли? – сказал он. – Тебе, голубчик, крышка [31, с. 11-12].

Перечисленные признаки определяют специфику содержательной структуры и синтаксической организации этих единиц русского, французского языков.

В когнитивной науке имеют место быть подобные структуры репрезентации знаний – мыслительные картинки, схемы, фреймы, сценарии. Возможность варьирования семантики паремиологических единиц – это важный принцип, который учитывался нами при классификации пословиц, объективирующих концепт ДЕНЬГИ. Под фреймом понимают одну из центральных фигур репрезентации знаний. У Т.А. ван Дейка фреймы выступают в качестве организованных вокруг некоторого концепта единиц, а не произвольно идентифицируемые фрагменты знаний [34, с.21]. А.П. Бабушкин рассматривает концепт-фрейм как многокомпонентный концепт с целой совокупностью стандартных знаний о денотате, феномене, ситуации [1, с. 21]. Состав фрейма формируют имя и слоты как отдельные единицы. Фрейм наделен однородной структурой [6, с. 56]. М. Минский в своей теории фреймов придерживается гипотезы, согласно которой знания об окружающей действительности структурируются в ячейки, формируются определенными сценариями с фиксированным составом стереотипных ситуаций-фреймов [38, с.32]. Благодаря более четкой, чем у концепта структуре, они позволяют упорядочено репрезентировать информацию. Ученый считает, что двухуровневая структура узлов – вершинных и терминальных, а также связи между ними характерны для фрейма. В содержание вершинных узлов включены сведения об определенной ситуации. Данные о конкретной практической ситуации включены в содержание терминальных узлов или слотов.

3. Фреймовая классификация паремий-репрезентантов концепта ДЕНЬГИ

Метод фреймовой классификации паремий позволяет идентифицировать актуальные "смыслы" пословиц. Анализ пословичного фонда с использованием фреймовой классификации паремий позволяет увидеть характерные черты определенной культуры [5, с. 34].

В результате изучения около 100 паремиологических единиц удалось идентифицировать 7 фреймов, названия которых отражают объемное представление содержания паремий исследуемого концепта: "Деньги – накопление, движение" (*Un sou amène l'autre. – Деньга деньгу родит. Один су приводит другой. L'argent va à l'argent. – Деньги к деньгам. L'argent attire l'argent. – Деньги к деньгам. Копейка рубль бережет и др.*); "Деньги – труд, работа" (*L'argent ne pousse pas sous les arbres. – Деньги не растут под деревьями. L'argent est rond, il faut qu'il roule. – Деньги не в деньгах, а в делах. Денежки круглые – весь век катятся. Деньги с неба не падают. Рубль – трудовой, потому и дорогой. Копейка рубль бережет, а рубль голову стережет. Бережливость – это те же деньги. Plaie d'argent n'est pas mortelle. – Деньги не голова – наживное дело. Не деньги нас наживали, а мы деньги нажили. Денежная рана не смертельна. Pas d'argent, pas de Suisse - Нет денег, нет швейцарцев; нет денег - нет слуг, даром ничего не дают. В 1521 г. швейцарские наемные полки, не получив вовремя жалованья, бросили свою службу у короля Франциска I (1494-1547), произнеся эти слова и др.*); "Деньги – разумная трата, бережливость, сохранение" (*Garde toujours dans la main un sou pour aujourd'hui et deux pour demain. – Всегда береги один один су на сегодня, а два на завтра. Тот без нужды живет, кто деньги бережет. Bien met l'argent qui en bon vin l'emploie. Работа денежку копит, а вино топит. Laisse ton argent dans l'obscurité pour qu'il te permette de voir la lumière. Il ne faut pas qu'on voit jamais le fond de notre bourse. Il faut toujours garder une réserve d'argent. Il n'y a pas de petites économies. Aucune économie n'est négligeable. L'épargne est une grande richesse – Экономность – большое богатство. Бережливость дороже богатства. Не деньги богатство – бережливость да разум.*); "Деньги VS жадность, скупость" (*L'argent est un remède à tout mal, hormis à l'avarice. – Деньги – лекарство, панацея от всего, кроме скупости. Qui compte ses sous, se tient loin de tous. – Кто считает свои деньги (су), тот в стороне от всех. Un avare qui garde son argent ressemble à un homme qui a du pain devant lui, et qui ne mange pas. – Хранящий свои деньги скупой похож на человека, который не ест хлеб, лежащий перед ним. L'avare ne tire pas plus d'avantage de son argent que s'il avait des pierres dans ses coffres. – Скупой человек получает пользу от своих денег, как от камней в сундуках и др.*); "Деньги – мимолетность" (*Femme, vent, temps et fortune se changent comme la lune. – Женщина, ветер, время и богатство меняются подобно луне. Деньги приходят и уходят, как вода. Не легко деньги нажить, а легко прожить. Bien met l'argent qui en bon vin l'emploie. Работа денежку копит, а вино топит. В отличие от русской пословицы французская пословица о трате денег на доброе*

вино содержит положительную оценку. *L'argent ressemble à l'hôte de passage : aujourd'hui il arrive, demain il n'est plus là.* – Деньги похожи на гостя: сегодня он пришел, а завтра его здесь уже нет. Сегодня густо, а завтра пусто и др.); "Деньги - власть" (*Dieu règne au ciel, et l'argent sur la terre.* – Бог господствует на небе, а деньги правят на земле. Деньги правят миром. У кого в руках, у того и в устах. *Une main pleine d'argent est plus forte que deux mains pleines de vérité.* – Руки, полные денег, сильнее, чем две руки, полные истины. *Marteau d'argent ouvre porte de fer.* – Золотой молоток и железные ворота отпирает. *Monnaie fait tout* (монета делает всё). – Денежка дорожку прокладывает. *Quand on contrôle l'argent, on contrôle les hommes. Clé d'or passe partout.* – Злато не говорит, да много творит. Деньги правят миром. У кого в руках, у того и в устах и др.); "Деньги VS счастье, любовь, дружба, репутация" (*Travaille pour l'argent et marie-toi pour l'amour.* – Работай за деньги, а женись по любви. *L'amour peut beaucoup, l'argent peut tout.* – Любовь может многое, деньги могут все. Сильна любовь, да деньги сильнее. *L'argent ne fait pas le bonheur, mais il y contribue.* – Деньги не приносят счастья, но сопутствуют ему. Не в деньгах счастье. Деньги – что камень, на душу ложатся. Не штука деньги, штука разум. Деньгами души не выкупишь. *Ne vous mariez pas pour de l'argent, vous pouvez emprunter à meilleur marché.* – Не женитесь ради денег, вы можете продешевить. *Mieux vaut perdre un peu d'argent qu'un peu d'amitié.* – Лучше потерять немного денег, чем немного дружбы. *Qui prête de l'argent sans garantie perd l'ami et l'argent.* – Кто одалживает деньги без гарантий, теряет друга и деньги. Дружба дружбой, а денежки врозь. *Une once de bonne reputation vaut mieux que mille livres d'or.* – Добрая слава дороже денег. *Qui a beaucoup d'argent et pas d'enfants, il n'est pas riche ; qui a beaucoup d'enfants et pas d'argent, il n'est pas pauvre.* – У кого много денег и нет детей, тот не богат; у кого много детей и нет денег, тот не беден. *L'argent est une richesse morte, les enfants sont une richesse vivante. Amis valent mieux qu'argent. Les bons comptes font les bons amis. Счет дружбы не портит. Дружба дружбой, а денежкам счет. Дружба дружбой, а денежки врозь).*

Заключение

Обобщая результаты исследования, можно утверждать, что в современной лингвистике преобладает научный интерес к изучению вербализации концептов не только на материале одного языка, но и при сопоставлении двух и более языков [15, 22, с.120]. Языковые знаки фразеологии – паремии – краткие и образные единицы фольклора, емкие информативные ментально-этнические послания поучительного характера рассматриваются отечественными и зарубежными лингвистами с позиции когнитивного аналитического исследования как специфические способы языковой демонстрации осмысления действительности тем или иным этносом. Вербализуемый паремиологическими знаками русского и французского языков концепт ДЕНЬГИ относится к особому типу паремиологических концептов. Пословичный материал показывает, что восприятие, концептуализация феномена ДЕНЬГИ русским и французским этносами относительно похожи. Наблюдается схожее мнение о возникновении денег из денег, о необходимости их сохранения. Деньги не

растут на деревьях, не падают с неба, их приносит труд. Классификация по фреймам, примененная к паремиологическим единицам рассматриваемого концепта, оказалась плодотворной, так как фреймы экономным способом передают и обрабатывают информацию об отношении этноса к деньгам на ментальном уровне, вскрывают явные и скрытые, подразумеваемые сведения о национальных ценностях, связанных с этим феноменом в жизнедеятельности народа. Модель описания паремий, использованная в работе, позволяет более экономно репрезентировать специфику русской и французской ментальностей на языковом уровне. Имена 7 выявленных фреймов "Деньги – накопление, движение", "Деньги - это труд, работа", "Деньги – разумная трата, бережливость, сохранение", "Деньги - это мимолетность", "Деньги - власть", "Деньги VS жадность, скупость", "Деньги VS счастье, любовь, дружба, репутация" представляют доминантные "смыслы" пословиц и продуцируют объемное представление содержания паремий рассматриваемого концепта. Проанализированные пословицы-репрезентанты концепта ДЕНЬГИ демонстрируют тот факт, что в русской и французской лингвокультурах важное место отводится духовным ценностям – здоровью, семье, любви, друзьям, а не материальным благам – состоянию, богатству [13]. Деньги противопоставляются счастью, любви, дружбе, жадности, скупости. Различия существуют в ассоциации денег с предметами, но смысл, например, мимолетности денег по этой причине не изменяется. У французов деньги ассоциируются с вином, у русских деньги – вода, деньги по форме монет круглые и могут укатиться, сквозь пальцы и плывут, деньга кругла, поката. Но во французской паремии о трате денег на доброе вино актуализируется положительная оценка, в отличие от негативного отношения к трате денег на спиртные напитки у русского этноса. Хотя и существуют эти различия, наблюдается обоюдная схожесть во взглядах этносов. Отмечается мимолетность, необходимость экономного, бережного отношения к деньгам, дается отрицательная оценка скупости, жадности, власти денег, призывают к сохранению приоритетных ценностей – любви, счастья, дружбы. Все эти характеристики, присваиваемые деньгам, маркируются в паремиях русско-французских лингвокультур. За перспективным продолжением научного исследования возможно видеть анализ семантической наполняемости паремий-репрезентантов ценностного компонента концепта ДЕНЬГИ на материале других языков народов-представителей разных лингвокультур. Применение модели фреймовой организации паремий позволило бы идентифицировать и уточнить универсальные и специфические характеристики анализируемого концепта разных языковых сообществ.

Список литературы

1. Бабушкин А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – С. 52-113.

2. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение //Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Т.17, Вып. 2. – Краснодар, 2003. – С. 268-276.
3. Дубровская О. Г. Лингвокультурологический аспект сопоставительного исследования русских и английских пословиц об уме и глупости: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 Екатеринбург, 2000. 259 с.
4. Дубских А.И., Бутова А.В., Севастьянова В.С. Средства вербализации оценки в «звездном» интервью // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. № 6 (183). С. 61–65.
5. Дьяконов В. П., Борисов А. В. Фреймовая модель представления знаний // Основы искусственного интеллекта. Смоленск, 2007. — С.30-31.
6. Залавина, Т.Ю., Афанасьева, О.Н., Шорохова, Л.А. 2016: Паремнологический концепт «деньги» как форма ментальной репрезентации знаний о мире. Проблемы истории, филологии, культуры №1, 372-379.
7. Zerkina N., Kostina N. English Phraseology in Teaching: Interrelation of Theory and Practice/Procedia - Social and Behavioral Sciences Volume 199, 3 August 2015, Pages 143–148
8. Зеркина Н.Н., Костина Н.Н. Семантика фразеологических и аббревиатурных единиц английского языка. Вариативность. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация.2014. №4. С.44-47
9. Зеркина Н.Н. The Symbolic in Meaning of Phraseological Units in the English Language (on the example of idioms with an adjective of color) //Когнитивные исследования языка. 2014.Вып. XVIII. С. 697-699.
10. Зеркина Н.Н. Символика и семиотика цвета во фразеологизмах с прилагательным red. Наука и образование в XXI веке: сб. науч. тр. по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. 30 сентября 2013г.: Часть 6. Тамбов, 2013. С.74-76 http://www.ucom.ru/doc/conf/2013_09_30_06.pdf
11. Зеркина Н.Н. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта «черный» в английском языке. «Известия СмолГУ» №1 (21) Смоленск, Изд-во СмолГУ, 2013. С.124-133.
12. Зеркина Н.Н., Костина Н.Н. Семантика языковых единиц. Контекст. Дискурс. (на примере фразеологизмов и аббревиатур английского языка). Экономические, гуманитарные и правовые исследования: сб. науч. тр./ под ред. Н.Р. Балынской. - Магнитогорск: Изд-во Магнитогорск. гос. тех. ун-та им. Г.А. Носова, 2013. С.142-148.
13. Зеркина Н.Н. Репрезентация общечеловеческих ценностей в английской фразеологии. // Когнитивные исследования языка.2015 Вып. XXII. С.636-638
14. Зеркина Н.Н. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта цвет кожи в английском языке //Когнитивные исследования языка.2016. №26. С.135-136.
15. Зеркина Н.Н. Мультикультурализм английской фразеологии. Русские лингвокультурологические заимствования. Проблемы истории, филологии, культуры. Москва-Магнитогорск-Новосибирск, 2014. №3 (45) С.223-225.

16. Магировская О.В. Специфика языковой конфигурации знаний на уровне базового концептуального осмысления // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р.Державина, 2013. С. 54-61.
17. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. М.: Флинта: Наука, 2004. 296 с.
18. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: ИТИ Технологии; Издание 4-е, доп., 2006. – 944 с.
19. Пименова М.В. Проблемы когнитивной лингвистики и концептуальных исследований на современном этапе // Ментальность и язык; отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 16-21.
20. Полякова Л.С. Коммуникативное воздействие эмоционально-оценочной политической номинации в синхроническом аспекте // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2011. № 2. С. 115-118.
21. Полякова Л.С. Понятие «речевое поведение» теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 44-47.
22. Полякова Л.С. Речевое воздействие: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 118-121.
23. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.
24. Суворова Е.В. Теоретические проблемы инференции // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 176-180.
25. Суворова Е.В. К вопросу об истории исследований процессов инференции // Universum: филология и искусствоведение. 2016. № 5 (27). С. 3.
26. Суворова Е.В. Организация речевой способности, основные механизмы речевой деятельности, связь языка и мышления // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2011. № 2. С. 106-108.
27. Суворова Е.В. Процессы инференции в номинации фразеологизмов // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т. 2. № 1. С. 272-275.
28. Суворова Е.В., Полякова Л.С. Инференция в процессах номинации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 131-139.
29. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М.: Астрель, АСТ, Хранитель, 2007. – 912 с.
30. Южакова Ю.В. ИмPLICITное выражение негативной оценки как проявление толерантности // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе. Материалы X Международной научно-практической конференции. 2007. С. 109-111.
31. Arora S. The perception of proverbiality // Wise Words: Essays on the Proverb. New York: Garland, 1994. P. 3-29

32. Barbour F. M. Proverbs and Proverbial Phrases of Illinois. Carbondale, 111: Southern Illinois University Press, 1995. 230 p.
33. Dundes A. Interpreting folklore. – Bloomington: Indiana University Press, 1980. – P. 70.
34. Forrester M.A. Psychology of Language. A Critical Introduction: Nw Delhi. – 1996. – 224 p.
35. Encyclopédie Larousse [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/argent/5167> (дата обращения 03.08.2017).
36. Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française (2006), 40e édition, nouvelle éd. refondue, texte rem. et ampl. sous la dir. de Josette Rey-Debove et d'Alain Rey, Paris, Dictionnaire Le Robert, xlii-2837 p. [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.cce.umontreal.ca/capsules/2688.htm> (дата обращения 03.08.2017)
37. Maloux M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes / Maurice Maloux. - Éditions Larousse, 2006. - 628 p.
38. Minski M. A. Framework for Representing Knowledge. MIT-AI Laboratory Memo 306, 1979. URL: <http://web.media.mit.edu/minsky/papers/Frames/frames.html>.
39. Mieder W. Paremiological minimum and cultural literacy. / W. Mieder // Proverbium. 1995. Vol 1, No 1. P. 297-316.
40. Palmer G.B. Toward a theory of cultural linguistics. – Texas: UT Press, 1996. – 360 p.
41. Toupictionnaire [Электрон. ресурс] Режим доступа: <http://www.toupie.org/Dictionnaire/Argent.htm> (дата обращения 03.08.2017)
42. Wang Qin. Racial characteristics of proverbs // Teaching and Learning. -Los Angeles: University of California, 1996. P. 18-201
43. Xatara C. Les proverbes à la portée de tous // Tous les chemins mènent à Paris Diderot. Colloque international de parémiologie, 29.06-2.07.2011. - Paris, 2011. - P.39 - 40.
44. Zalavina T., Kisel O. "Blame" Concept in Phraseology: Cognitive-Semantic Aspect (Based on the French Language). IJES. 2016. Vol. 11, N 17. Pp. 9693-9703.
45. Zalavina T.Y., Dyorina N.V. National-Cultural Semantics Reflection of French Proverbs. In: Proceedings of the 14th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2017. Pp.10-13.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ

*Зеркина Наталья Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
МГТУ им. Г.И. Носова*

Linguistic and Ethic Transformations in Communication of Internet Environment

Natalya N. Zerkina

Введение

Бурное развитие ИКТ создало фундамент и способствовало появлению нового вида коммуникации – компьютерно-опосредованной. (англ. computer-mediated communication (СМС)), ведущей к глобализации коммуникации и трансформации, как самой системы общения, так и коммуникативного опыта индивида.

Данное понятие впервые обнаруживает себя в англоязычном научном пространстве в 90-х годах прошлого столетия и имеет еще две интерпретации (англ. electronically mediated communication (ЕМС) и digitally mediated communication (DMC) [16, с.2]

Жизнь современного человека трудно представить без общения с помощью современных ИКТ. Современный человек не мыслит свою жизнь без чатов, сетевых дневников, социальных сетей, электронной переписки и т.д.

Это своеобразная информационная цивилизация заставляет человека жить по своим законам, она выдвигает новые установки, нормы, требования и ценности, поэтому и возникает интерес к теоретическому осмыслению проблем интернет коммуникации.

Перенос, переход, трансмиссия «реальной» (off-line) коммуникации в виртуальное пространство в online коммуникацию не только сам процесс общения, порождает особый язык, но и приносит новые проблемы, которые создают реальную угрозу безопасности как индивиду в частности, так и обществу в целом. Человек, помещенный в новые виртуальные условия коммуникации, сталкивается с реальными проблемами. Данные условия не только активно влияют на коммуникантов, но и на язык в целом, его системность и устройство.

В погоне за экономией времени и пространства, изобретаются новые аббревиатуры, совмещающие в себе разные знаковые системы, например, *cul8r-see you later, some\$- some money*, Эмоции живой коммуникации компенсируются смайликами и игрой регистров.

Виртуальное пространство не породило своего «виртуального» языка, а агрессивно заимствует национальные языки для своего существования смешивая их с английским. Сам процесс коммуникации, который в первую

очередь, подразумевается как устное общение, в виртуальном пространстве имеет большей частью письменную реализацию.

Но справедливости ради надо отметить, что с одной стороны, из живой речи в виртуальное пространство попадает большое количество разговорных, сленговых, диалектных форм и грамматических отклонений от норм, с другой стороны, наблюдается обратный процесс, при котором в живую речь проникают сленговые элементы, рожденные в виртуальном пространстве.

Как и любое другое явление или феномен нашей жизни, компьютерно-опосредованная коммуникация имеет свои плюсы и минусы, которые требуют обязательного регулирования, поскольку совмещают в себе не только технические, но и этические моменты.

1. Компьютерно-опосредованная коммуникация

С начала XX века термин «коммуникация» активно используется в научной литературе в значении как средство связи объектов и как социокультурный процесс обмена информации в обществе.

Вопросы коммуникации активно рассматриваются разными науками: лингвистикой, психологией, социологией, философией и т.д. [2, 3, 11, 13, 21, 22]. Понятия «коммуникация» и «общение» разводятся или отождествляются, но развитие ИКТ способствует появлению, а значит и изучению нового вида общения - компьютерно-опосредованной коммуникации.

В рассмотрении данного вопроса, мы придерживаемся точки зрения исследователей, которые считают, что необходим интегрированный подход для составления целостной картины речевой коммуникации и определения ее новой формы – виртуальной коммуникации. Данный подход позволит объединить в одной точке то, что уже достигнуто лингвистическими науками, а также методологией тех наук, которые традиционно рассматривают основы и теоретические предпосылки развития наиболее значимых для человека понятий и проблем.

Общение является не только потребностью человека, но и важной составляющей человеческого бытия, способом организации его социального взаимодействия [9, с. 46, 10].

Компьютерно-опосредованная коммуникация представляет собой новую социальную реальность, саморегулирующую и функционирующую по своим правилам и законам. С точки зрения масштабности, компьютерно-опосредованная коммуникация является массовой – общение со всем миром, внутриличностная – общение между пользователем и компьютером и групповая – общение между группами людей.

Виртуальная коммуникация – это коммуникативное взаимодействие субъектов, осуществляемое посредством компьютера, при котором создается особая модель реальности, характеризующаяся эффектом присутствия человека в ней и позволяющая действовать с воображаемыми и реальными объектами. Виртуальная коммуникация как опосредованное общение осуществляется при

помощи компьютера через электронную сеть Интернет. Существует несколько подходов к описанию феномена «электронная сеть Интернет». Всемирная паутина, или World Wide Web (WWW), рассматривается как информационная технология, как психосоциологический феномен, как сообщество, как фольклор, как универсальная база данных. Данное понятие представляется как особая сфера коммуникации. Следует проанализировать виртуальное общение в терминах, свойственных вербальной коммуникации. [6].

Компьютерно-опосредованная коммуникация настолько серьёзно вошла в нашу жизнь и изменила её, что ученые разных направлений всерьез задумываются о разработке нового лингвистического направления – интернет лингвистики, которая будет изучать особенности языка компьютерно-опосредованной, цифровой коммуникации, или же, как его воспринимают на современном этапе, особой функциональной разновидности языка – языка обслуживающего электронно-цифровые средства коммуникации.

Начиная с момента зарождения как науки, интернет лингвистика изучает мотивацию человеческого поведения при работе с компьютерными системами (человеко-компьютерное взаимодействие, human-computer interaction, HCI), которая, в свою очередь, привела к возникновению компьютерно-опосредованной коммуникации (computer-mediated communication, CMC) или Интернета (Internet-mediated communication, IMC), эксперты признали, что традиционная лингвистика играет главную роль в формировании интернет лингвистики, особенно в отношении восприятия web-интерфейса. Изучение развивающегося языка Интернета позволяет обеспечить дальнейшее развитие онлайн-пространства и может помочь не только лингвистам, но и самим пользователям [20].

В силу своей новизны, для изучения данного явления используется методологический опыт и аппарат филологических и гуманитарных исследований, но параллельно формируется свой инструментарий с применением цифровых технологий.

Сама природа данного вида коммуникации сложна и неоднородна и всестороннее изучение компьютерно-опосредованной коммуникации требует выхода за рамки лингвистики и привлечения знаний даже не смежных наук – информатики.

2. Трансформация языка в интернет пространстве

Язык всегда занимал особое место в жизни человека [11, с. 87], в эпоху цифровых технологий он становится не только средством общения, но и средством создания виртуальной реальности. Искусственные языки программирования являются только технологическим средством, благодаря которому Интернет функционирует, а подлинным языком виртуального сообщества оказываются естественные языки аудитории пользователей.

Язык, адаптируясь и приспособляясь к техническим возможностям виртуального пространства, является основным средством создания новой

коммуникативной среды, в которой отражается вся специфика его употребления.

Язык, помещенный в новые условия, в новую коммуникационную среду также претерпевает изменения достаточно масштабные и глобальные [10]:

- смещение акцентов в сторону письменной реализации языка, что приводит к упрощению письменной формы языка, хотя исторически разговорный язык всегда был более простым, чем письменный;

- вливание других знаковых систем в языковые единицы в качестве компенсаторных элементов (цифры, пиктограммы, смайлики и т.д.);

- изменение формата языка под воздействием мультимедиа, (наличие ссылок, гиперссылок, дополненная реальность и т.д.);

- язык превращается в контент с высокой степенью креолизованности и интерактивности,

- язык приобретает определенный набор грамматических и лексических характеристик и практически теряет фонетику, что компенсируется паралингвистическими средствами (пиктограммы, смайлики);

- взаимодействие английского языка с другими языками порождает новые формы общения между представителями разных культур, смешение ведет к образованию новых стилистических форм, которые впоследствии могут заимствоваться другими культурами.

Благодаря Facebook, Twitter и YouTube и другим социальным сетям новая лексика распространяться очень быстро. Например, англ. *to google* – русс. загуглить, гуглить, нем.- *googeln*.

Новообразования в лексике главным образом представляют собой слова, образованные способами усечением, префиксации, суффиксации, префиксо-суффиксальным (как правило, в неанглоязычном дискурсе, от английского корня образуются новые слова [8, с. 115], – англ. *to ban* - *бан - забанить*; англ. *to post, to repost* – *пост, запостить, рипостнуть*), каламбурные образования часто на базе иноязычных слов и слов жаргонного характера англ. *icon* – «иконки»= *пиктограммы*, использование слов в англоязычной графике и в сочетании с русской графикой – HTML- формат, web-общение, web-сайт. Индивидуальное словотворчество отмечается образованием дериватов на базе транскрибированных заимствований англ. *likes* – *лайки, лайкнуть*.

Эти изменения настолько скоротечны, что слово, появившееся в прошлом году, может стать устаревшим уже в нынешнем. Изменение грамматики идет в сторону игнорирования грамматических правил, упрощения форм, эллиптичности.

Причины, трансформирующие язык и коммуникацию условно можно разделить на внешние и внутренние [9].

К первой группе – внешние - могут быть отнесены следующие причина:

- беспрепятственность создания текста и отсутствие редактур, а часто и цензуры в интернет пространстве. Авторами материалов в Интернете могут быть и не компетентные, а порой и безграмотные пользователи. Такое большое количество «писателей-любителей» приводит к несоблюдению литературных

норм, нарушению правил сочетаемости, смешению стилей, внедрению и популяризации профессионализмов, засорение жаргонизмами.

- расширение коммуникационных возможностей во времени и в пространстве, возможность письменного комментирования в режиме реального времени приводит к усилению диалогичности и интерактивности.

- возможность хранить и быстро передавать огромные объемы цифровой информации, использовать мультимедиа (аудио, видео, он-лайн общение)

Ко второй группе – внутренние – могут быть отнесены следующие причина:

- увеличение количества англицизмов, калькированных переводов с английского; Например, *он-лайн – on line, офф-лайн – off line, линк - link, подкаст - podcast и т. д.*

- увеличение количества аббревиатур, окказиональных сокращений; игровых элементов, намеренному искажению орфографии (эрративы, слияние отдельных слов), невербальных знаков (смайликов и эмотиконов), сочетания пунктуационных знаков в качестве заменителей слов. Например, *Слава блогу! sms,)):(.*

Особая форма, разновидность ситуативно обусловленного русскоязычного жаргона зарегистрированная в интернет пространстве – «олбанский язык», характеризуется преднамеренным нарушением языковых норм и имеет тенденцию выхода за рамки виртуального пространства. Например, *Аффтар жжот!; Ржунимагу;*

- безграничность и беспредельность текста за счет гиперссылок и возможность пользователю создавать свой собственный текст по средствам ссылок.

- семантические сдвиги в значении слов, главным образом расширение значения [8, 13, 15, 16]. Например, пост – ссылка (англ. *post – отправлять по почте, осведомлять, давать полную информацию и др.*) в интернет дискурсе оно означает «*оставить сообщение в группе, чате*»

Итак, «Как и любое другое явление, заимствованное виртуальным пространством из реального пространства, язык приобретает дополнительные характеристики и особенности. Так, например, в отличие от реального пространства, речь виртуального пространства имеет только письменную реализацию, а значить исключает дополнительные коннотативные оттенки, которые могут быть выражены мимикой, эмоциями, поведением говорящего и т.д., но имеет компенсаторные возможности в виде смайликов и пиктограмм. Более того, общение виртуального пространства изобилует прагматически окрашенными частицам, выражающими высокомерие, скептичность по отношению к адресату, упрек, разочарование, сомнение в правдивости адресата, раздражение, угрозу, а также в общении в виртуальном пространстве отсутствует реальная возможность визуальной оценки коммуникантов, за аватарками часто «скрываются» совсем не те, кто на них изображен. Гипотетическая возможность быть не признанным провоцирует на общение,

которое в реальном, визуальном общении человек в силу социальных норм морали и последующего наказания, не может себе позволить» [5, с.220].

3. Место английского языка в интернет коммуникации

Язык виртуального общения в любой отдельно взятой стране не равен языку общения реального, вне сети. Отсутствие каких бы то ни было территориальных границ приводит к тому, что одной из главных особенностей функционирования естественного языка в Интернете является непосредственный контакт национального языка с множеством других языков мира. Но все-таки наиболее тесно национальный язык взаимодействует именно с английским языком, поскольку родиной Интернета и главным поставщиком сетевой терминологии является англоязычная Америка. Это взаимодействие привело к тому, что во многих национальных Интернет-сегментах сложилась ситуация двуязычия [1].

Трудно отрицать тот факт, что интернет-язык тесно связан с английским языком, и это логично, и как следствие статуса английского языка как языка международного общения, и как последствие того, что Интернет был создан в англоязычной стране. Таким образом, на этапе зарождения и становления Интернет «проживал» исключительно в англоязычном пространстве, поэтому англоязычная терминология (*интерфейс – interface, монитор – monitor, флеш карта – flash card*) доминирует в Интернете, а, следовательно, английский язык заставляет пользователей с ним считаться.

Согласно статистике 75% мировой почты пишется по-английски, около 80% информации хранящейся на электронных носителях, записано на английском. И хотя в настоящее время в сети используется более тысячи языков, вероятнее всего, что влияние английского будет увеличиваться, поскольку он играет важную роль в программном обеспечении. Как иронично заметил Д.Кристал, существенное препятствие глобальному распространению английского языка могло бы возникнуть в предыдущем поколении, если бы китайский был родным языком Билла Гейтса [7].

Возможно, в настоящее время мы наблюдаем зарождение нового типа глобального английского языка, но уже английского языка виртуального пространства. И хотя сам английский язык изменялся на протяжении многих веков и под влиянием многих факторов (политических, экономических, социальных, культурных и т.д.), но ни один из них (из факторов) не может конкурировать с цифровыми технологиями ни по скорости, ни по масштабности внесения изменений.

В настоящее время многие ученые и носители языка выражают опасения, что английский язык будет трансформирован до неузнаваемости благодаря Интернету, а глобализация значительно ускорит свои темпы. А лингвисты находят ряд отличий между английским языком носителей – англичан, и английским языком, как средством международного общения – *Global*

Language, который массово изучают, главным образом, по одним и тем же аутентичным учебникам во всех точках мира.

Но *Global English* это явление, которое воспринимается не однозначно с позиции «язык и культура - это две стороны одной медали». Чью культуру вербализирует *Global English*?

Положительным моментом данного процесса является то, что всеобщее владение английским языком обеспечивает естественное желание человека о взаимопонимании в «мировом масштабе».

«Оккупация» виртуального пространства английским языком еще раз доказывает его претензии на роль *lingua franca*, языка международного общения, который применяется практически во всех сферах жизни человека и общества.

Ситуация, сложившаяся с английским языком в настоящее время по своему уникальна. Никогда прежде ни один из языков не получал такого широкого распространения за столь короткое время.

Т. Макартур выражает опасения на тот счет, что распространение разновидностей английского языка (диалектов, вариантов) приведет к разделению на непонятные новые языки и в этом случае английский язык ожидает судьба латинского языка [23].

4. Нетикет

Англоязычная культура как «родитель» интернета и глобальной среды общения выработала и внедрила свои правила сетевой коммуникации - своеобразный сетевой этикет, который позднее перенимался пользователями других языковых сообществ через язык и формат общения, сетевой этикет принимался полностью и/или адоптировался под этикет национальный.

Компьютерно-опосредованная коммуникация - это не только и не столько взаимодействие компьютера и человек, это главным образом, взаимодействие, коммуникация индивидов посредством цифровых технологий.

Интернет дает безграничные возможности для самореализации. Мотивы же, которые привели человека в виртуальное пространство, могут быть разные в оценочном плане.

И хотя, в компьютерно-опосредованной коммуникации априори все участники обладают равноправным статусом, в ходе дискуссий ситуация меняется, могут появиться как «лидеры», так и «жертвы».

Вопросы теоретического и прикладного характера, поведения человека в интернет пространстве, выпадают на долю нетикета,

Нетикет представляет собой новый, находящийся одновременно в стадии формирования и функционирования пласт социокультурной реальности.

Таким образом, систематизации и популяризации нетикета, как среди обычных пользователей интернета, так и среди специалистов и студентов IT направления заслуживает особого внимания и становится не отъемлемой

частью процесса обучения в целом и процесса формирования иноязычной компетенции в частности.

С лингвистической точки зрения слово «нетикет» или «сетевой этикет» является неологизмом, образованного от английского слова «*Net*» - «сеть» и французского слова «*étiquette*» - этикет.

Это понятие появилось в середине 80-х годов XX века в эхоконференциях сети FIDO. Некоторые из правил сетевого этикета присутствуют в RFC 1855 (английский вариант). Правила этикета не являются всеобщими и жестко установленными — в разных сообществах они могут значительно различаться. Так как основная цель этикета состоит в том, чтобы не затруднять общение в сообществе, правила могут устанавливаться исходя из целей сообщества, принятого стиля общения, технических ограничений, и т. д. Некоторые правила записаны, и даже оформляются в виде формального устава, а иногда и просто в виде списка, другие правила нигде не записаны, но известны большинству членов сообщества и строго соблюдаются.

Таким образом, нетикет представляет собой правила поведения, общения в сети, традиции и культуру интернет-сообщества, которых придерживается большинство участников виртуальной коммуникации. Необходимость создания нетикета возникла с появлением глобальных сетей, Интернета, где разные социальные и возрастные группы активно осваивают виртуальное пространство.

Одной из деструктивных проблем современных социальных сетей, а значит вопросов нетикета, является языковая агрессия. Данное явление исследуют специалисты из разных областей, и понимают его как «языковую (речевую, вербальную, словесную) агрессию». В связи с этим, необходимой составляющей становится формирование «нетикетной» грамотности населения, в области использования информационных систем [17, 18, 19].

Нетикет нужен не только для того, чтобы всем пользователям сети интернет было комфортно общаться между собой, но и для создания безопасной среды. Доступность персональной информации, мобилизационно организующая сила социальных сетей и т.д. являются достаточно деструктивными средствами нарушения общественного порядка, которые тесно связаны с проблемами языкового насилия и языкового манипулирования. «Новое» пространство породило «новые» преступления.

Одним из самых распространенных является кибербуллинг, который выражается в унижении и травле, преследование, главным образом, подростков с использованием цифровых технологий в режиме онлайн посредством социальных сетей, файлообменников (видео, фото), блогов, электронной почты, СМС, ММС, систем мгновенных сообщений. Таким образом, виртуальный мир порождает реальные трудноразрешимые проблемы.

В число наиболее распространенных видов кибербуллинга входят:

Клевета. Распространение оскорбительной, унижительной и неправдивой информации on-line, чтобы повредить репутации жертвы.

Отчуждение (изоляция). Исключение из виртуальной группы – считается косвенным видом кибербуллинга.

Флейминг. Перепалка в виде обмена злыми, жестокими и грубыми сообщениями между двумя и более пользователями в публичных и частных местах общения в сети Интернет.

Хеппислеппинг (от англ. *Happy Slapping* – счастливое хлопанье, радостное избиение). Физическое нападение, избиение человека, в то время как обидчики снимают это на видео или фотографируют, чтобы впоследствии разместить материалы в сети Интернет.

Нападки. Повторяющиеся обидные и оскорбительные сообщения, направленные на жертву.

Самозванство. Преследователь притворяется жертвой и от его или ее имени рассылает сообщения или распространяет информацию с целью уничтожения репутации жертвы.

Текстовые войны/нападения. Травля, преследование жертвы посредством большого количества оскорбительных СМС-сообщений или электронных писем.

Обман. Получение и распространение конфиденциальной информации, личной переписки или фотографий и публикация их в интернете» [4, с. 129].

А также можно выделить следующие поступки и действия нарушения сетевого этикета участниками общения виртуального пространства, которые имеют конкретную формулировку и оценку, чаще всего отрицательную.

Флуд. (от англ. *flood*— наводнение, читается «флад», однако в русскоязычном сегменте Интернета устоялось произношение «флуд») — это сообщения в интернет-форумах и чатах, не несущие никакой полезной информации. Флуд распространяется как от нечего делать, так и с целью троллинга, например, из желания кому-то досадить.

Спам. (от англ. *spam*) — сообщения, присылаемые вам от неизвестных людей или организаций, которым вы не давали на это разрешения. Наиболее часто термин «спам» употребляется в смысле «почтовый спам» — рассылка электронных писем, содержащих рекламу. (Из этимологии слова спам. *Spam* — это консервы, популярные в годы застоя в Америке. Расшифровывается *SPiced hAM* - перченая ветчина. Слово это придумано (и зарезервировано, методом трэйдмарка) корпорацией Hormel, у которой в 1930-е годы скопилось огромное количество неликвидного мяса 3-й свежести. В грозный 1937-й Хормель начал маркетинговую кампанию по сбыту залежей. Так появился спам. Американцы не покупали спама, зато Хормель всучил убойные дозы нового изобретения американскому военному ведомству и флоту. А те тоже не смогли столько съесть, и отдали дружественным странам по лендлизу. В послевоенной Англии, посреди экономического кризиса, *SPAM* был основным продуктом питания англичан. Реклама и реализация товара была очень навязчивой.)

Офто́пик. (иначе оффтоп или просто офф; от англ. *off topic*, букв. «вне темы», в англоязычном интернете словосочетание *off topic* иногда сокращается

как ОТ.) — сетевое сообщение, выходящее за рамки заранее установленной темы общения. Офтопик рассматривается как нарушение сетевого этикета, поскольку размывает заранее объявленное ограничение темы общения, что затрудняет поиск информации пользователями форума

Хотлинк. (англ. **hot linking**) — включение в веб-страницу файлов-изображений или других ресурсов с чужого сервера.

Оверквотинг. (англ. **over quoting**) — избыточное цитирование; особенно неоправданные вложенные цитаты.

Следующая группа правил высвечивает проблемы, которые отображаются в нетикете и требует детального рассмотрения в целях предотвращения конфликтных ситуаций во всём виртуальном пространстве.

Обзорный анализ сайтов [24, 25, 26, 27], посвящённых данной тематике, показал, что следующие пункты являются общепринятыми, а, следовательно, могут быть рассмотрены как правила, обязательные к исполнению.

Итак,

ПРАВИЛО №1:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны помнить, что говорят с реальным человеком.

ПРАВИЛО №2:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны придерживаться тех же стандартов и правил поведения, что и в реальной жизни.

ПРАВИЛО №3:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны помнить, что находятся в киберпространстве, где актуальность поговорки «Слово не воробей, вылетит не поймаешь» возрастает в миллионы раз.

ПРАВИЛО №4:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны уважать время и возможности других. Многие интернет сообщества сами регулируют поведение своих участников и не поощряют написание сообщений, имеющих единственную цель — привлечение внимания к своей персоне.

ПРАВИЛО №5:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны сохранять лицо независимо от ситуации и провокации. Неожиданно возникшее бурное обсуждение не должно переходить во флейминг, в развитие которого участники обычно забывают о первоначальной теме, переходят на личности и не могут остановиться.

ПРАВИЛО №6:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны помогать другим там, где возможно и не навязывать комплексы неполноценности. Киберпространство - это не место для моветона.

Во многих странах уже существует правовая основа и человек может обратиться в правоохранительные органы с заявлением о нарушении законодательства, поскольку моветон переходит в явные унижения, оскорбления и даже угрозы.

ПРАВИЛО №7:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны не ввязываться в конфликты (троллинг, оскорбления) и не реагировать на провокации, но считается дурным тоном игнорирование корректного вопроса.

ПРАВИЛО №8:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны уважать право на частную переписку.

ПРАВИЛО №9:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны не злоупотреблять своими возможностями.

ПРАВИЛО №10:

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны учиться прощать другим их ошибки.

ПРАВИЛО №11.

Участники компьютерно-опосредованной коммуникации должны выяснять форму обращение. В некоторых сетевых сообществах принято обращение по умолчанию с определённым местоимением («ты» или «вы»), в других сообществах «работают» правила реального пространства и коммуникации.

В целом положения и рекомендации нэтикета можно разделить на три категории.

1 категория. Психологические, эмоциональные:

— обращаться на «ты» или на «вы», использовать ли смайлики и в каком количестве, указывать ли код города в телефонах, поддерживать новичков или игнорировать их вопросы, или посылать их сразу в FAQ, поиск и т.д.

2 категория Технические, оформительские:

— использование строк определённой длины, использование транслита, ограничения на размер сообщения или подписи, допустимость расширенного форматирования (выделение жирным, курсивом, цветом, фоном, рамками и т. п.), допустимость написания сообщений с заглавными буквами и т.д.

3 категория. Административные

— правила именованя тем, правила цитирования, допустимость рекламы, допустимость флейма, собственно необходимость придерживаться тематики сообщества и т.д.

Заключение

Современное общество и язык находятся под бурным влиянием ИКТ, способствующих появлению нового вида общения – компьютерно-опосредованного, которое требует особых мер его саморегулирования. Цифровая цивилизация вносит свои правила в образ жизни и общение людей в социуме. Вопрос безопасности в виртуальной среде тесно связан с таким явлением как нетикет. Проблема нетикета решается с разных сторон и на разных уровнях, уже имеет правовую основу и регулируется государством. Кибербуллинг с недавних пор перестал быть проблемой «плохого» воспитания. В ряде государств приняты правовые меры, в целях защиты населения, главным

образом, подростков и детей. Проблема является не только актуальной, но и жизненно значимой, затрагивает все возрастные группы и все слои населения, поэтому должна решаться, рассматриваться как на всех уровнях образовательного пространства, так и в разных возрастных и социальных группах.

Глобальность компьютерно-опосредованной коммуникации подчеркивает актуальность ее детального изучения и заставляет всерьез задумываться о разработке нового лингвистического направления – интернет лингвистики

Компьютерно-опосредованная коммуникация, Интернет, цифровые технологии способствуют появлению своего «виртуального» языка, который большей частью имеет письменную реализацию и трансформирует традиционное общение людей принося изменения на все уровни языковой структуры.

Список литературы

1. Ермакова О.И. Особенности компьютерного жаргона как специфической подсистемы русского языка, 2012 :[Электронный ресурс] URL: http://www.dialog-21.ru/archive_article.asp?param=6683&y=2001&vol=6077 (Дата обращения: 18.09.2017).
2. Залавина Т.Ю. Семантическая структура глагольных фразеологизмов, содержащих концепт «ПОРИЦАНИЕ» (на материале французского языка) // Вестник Костромского государственного университета. 2005. Т. 11. № 12. С.106-109.
3. Залавина Т.Ю., Афанасьева О.Н., Шорохова Л.А. Паремиологический концепт «ДЕНЬГИ» как форма ментальной репрезентации знаний о мире // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №1 (51). С. 372-379.
4. Зеркина Н.Н., Дегтярёва К.С., Смирнова А.В. Организация и самоорганизация обучения английскому языку с использованием современных IT технологий / Феномен человека. 2015. С153-156.
5. Зеркина Н.Н., Ломакина Е.А. К вопросу о языковой агрессии в интернет-пространстве// Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи Материалы внутривузовской конференции. Под редакцией Г.Н. Чусавитиной, Е.В. Черновой, О.Л. Колобовой. 2015. С. 219-224.
6. Козырев А.А. Информатика: учебник для вузов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2012;
7. Кристал Д. Английский язык как глобальный. М.: Весь Мир, 2001. 240с.
8. Полякова Л.С. Коммуникативное воздействие эмоционально-оценочной политической номинации в синхроническом аспекте // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2011. № 2. С. 115-118.
9. Полякова Л.С. Понятие «речевое поведение» теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 44-47.

10. Полякова Л.С. Речевое воздействие: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 118-121.
11. Полякова Л.С. Теоретические подходы к определению понятия «дискурс» // Язык. Текст. Дискурс. 2009. №7. С. 87-91.
12. Суворова Е.В. Теоретические проблемы инференции//Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 176-180.
13. Суворова Е.В. К вопросу об истории исследований процессов инференции// Universum: филология и искусствоведение. 2016. № 5 (27). С. 3.
14. Суворова Е.В. Организация речевой способности, основные механизмы речевой деятельности, связь языка и мышления //Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2011. № 2. С. 106-108.
15. Суворова Е.В. Процессы инференции в номинации фразеологизмов//Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т. 2. № 1. С. 272-275.
16. Суворова Е.В., Полякова Л.С. Инференция в процессах номинации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 131-139.
17. Южакова Ю.В. Толерантность как языковая категория // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2006. № 6. С.186-194.
18. Южакова Ю.В. Композиционные особенности медиатекста, актуализирующие принцип толерантности // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Ульяновский государственный университет. 2008. С. 403-405.
19. Южакова Ю.В. ИмPLICITное выражение негативной оценки как проявление толерантности // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе. Материалы X Международной научно-практической конференции. 2007. С. 109-111.
20. Crystal David. Internet Linguistics: A Student Guide. Routledge. Taylor & Francis Group. London and New York, 2011. 179 p. с. 1-2
21. Zalavina T.Y., Kisel O.V. «Blame» Concept in Phraseology: Cognitive-Semantic Aspect (Based on the French Language) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Т. 11. №. 17. С. 9693-9703
22. Zalavina T.Y., Dyorina N.V. National-Cultural Semantics Reflection of French Proverbs // Proceedings of the 14th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2017. P. 10-13.
23. McArthur T. The English language. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. 247p.
24. <http://novichkam.info/uchebnik/bazovyye-znaniya/netiket/?i=1>
25. <http://etiquette.all-talks.info/netiquette/netiquette-10-common-rules/>
26. http://timkoplus.ru/post_1359408200.html

27. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B9_%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B5%D1%82

ЭПОНИМЫ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Кисель Олеся Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
МГТУ им. Г.И. Носова
Босик Галина Артёмовна,
студентка группы ИДАб-17,
МГТУ им. Г.И. Носова*

Eponyms in Technical Discourse

*Olesya V. Kisel,
Galina A. Bosik*

Введение

Современный язык науки претерпевает изменения. Глобализационные процессы, происходящие в обществе, ведут к изменениям как в языке вообще, так и в языке науки в частности, что приводит к появлению такого раздела как *Language for Special Purposes* (LSP) (язык для специальных целей), который предполагает преподавание иностранного языка, перевод научно-технической литературы на разные языки как для традиционных отраслей (медицине, физике, геологии и др.), так и в недавно возникших с большой перспективой развития (информатике, радиоэлектронике, вычислительной технике и др.) [9].

Тексты данной специфики предусматривают владение специальной лексикой и узким терминологическим аппаратом.

Научный прогресс требует построение новой и трансформацию сложившейся понятийно-терминологической системы, которая, с одной стороны, претерпевает интегрирование и дифференциацию понятийного аппарата различных отраслей науки [26]. С другой же стороны происходит построение совершенно новых терминологических категорий, основанных на таких научных дисциплинах как биоэнергетика, геновая инженерия, искусственный интеллект, робототехника и т.п. [14].

В этой связи систематизация научных понятий происходит не через призму общенаучных категорий, а посредством актуализации междисциплинарных и межнаучных терминов [21, с. 44]. «Одними из таких междисциплинарных терминов являются эпонимические названия – термины, образованные от имен собственных. «В классическом понимании термины представляют собой класс нейтральной лексики, имеющей ограниченную сферу употребления и не обладающей переносным значением. Однако наблюдения над современными процессами терминопроизводства наводят на мысль об интеграции терминологических и фразеологических средств» [4, с. 106; 10; 11; 14; 36, с. 9693].

Актуальность выбора терминов – эпонимов как объекта исследования основана на том факте, что данный разряд лексики довольно обширен и автономен и имеет открытые границы для своего пополнения новыми ономастическими единицами.

Многоплановый, комплексный подход к описанию данной группы лексики языка позволяет представить и описать актуальность эпонимов как современного разряда терминов.

1. Основные характеристики онимов

Словарный состав любого языка традиционно делится на нарицательные (лат. *nomina appellativa*) и собственные имена (лат. *nomina propria*). Онимы предназначены для того, чтобы номинировать большой круг лиц, предметов, местностей, явлений, понятий. Описанием функционального и языкового своеобразия онимов занимается ономастика (с греч. «искусство давать имена»).

«Ономастикон представляет собой совокупность имен собственных в определенном языке, образует вокруг каждого индивидуума особое национально-культурное, историческое пространство, которое является индивидуальным для конкретного представителя социума и, одновременно, единым для всего языкового коллектива.» [28, с. 214].

«Собственные имена – это единицы языка-речи (слова и субстантивированные словосочетания), служащие для подчеркнута конкретного названия отдельных предметов действительности и вследствие такой специализации вырабатывающие некоторые особенности в значении, грамматическом оформлении и функционировании. <...> Назначение имени собственного – называть определенный предмет, соотнося его с классом однотипных или родственных предметов» [4, с. 27].

Явление ономастической номинации, ее границы и принципы напрямую связаны с внеязыковой действительностью, а именно с тем, что подлжит номинации (человек, местность, вещь, идея и т.п.). Одним из множества элементов системы языка, находящихся в определенных отношениях друг с другом и образующих единство и целостность любого естественного языка, являются существительные. Как и другие компоненты языка, они не существуют изолированно и не противопоставляются другим элементам системы [10; 11; 20; 37].

Данный принцип относится и к собственным именам, которые находясь на периферии языка, подчиняются законам языковой системы, но приобретают ряд особенностей, связанных с их семантикой и функционированием. Онимы - это полноправные слова имеющие право на существование в вокабулярии любого языка и занимающие место противоположенное апеллятиву.

План выражения собственных имен тяжело поддается описанию и определению. Этот факт приводит к тому, что семантика онима будет осложнена многими внеязыковыми факторами. Именно семантика влияет на характеристику ономастической типологической классификации.

Избирательность ономастической номинации проявляется в том, что имя собственное получает не каждый метр земли, не каждое животное и, следовательно, не каждая языковая единица в одинаковой степени используется при имянаречении [11].

Традиционная классификация лексического состава языка строится на разграничении собственных и нарицательных имен [19, с. 116]. Термин «имя собственное» пришел из латинского языка, который в свою очередь позаимствовал его из греческого. Греческий термин *χύριον* обозначает:

- имеющий смысл;
- имеющий право или возможность;
- узаконенный, установленный;
- назначенный, определенный;
- сильный, могущественный;
- главный, основной, важнейший.

Перевод греческого термина *οὐρία χύριον* во многих европейских языках воспринимается как “особо присущее индивиду”, “аутентичное”, “истинно названное”. Однако у греков (Платон, Аристотель) данный термин употреблялся в качестве определения как для нарицательных, так и для собственных имен.

По мнению А.В. Суперанской, которую поддерживают многие ученые, деление словарного состава языка следует производить на уровне слова, то есть на лексическом, так как фонетические и морфологические уровни данных классов слов совпадают. Имя собственное не имеет самостоятельной морфологической и фонетической системы, онимы возникают на основе фонетических и морфологических систем конкретного языка. Необходимость возникновения имени собственного для номинации предметов и явлений внеязыковой действительности привела к тому, что нарицательное слово стало базисом для онимов. Данное явление хорошо и явно просматривается в таких личных именах как *Вера, Надежда, Любовь*, однако в большинстве случаев этимология имени затемнена: Никита - от греческого ‘побеждать’.

Явная и затемненная этимология онима открывает вопрос о наличии границы между нарицательной и ономастической лексикой. С одной стороны, существует четкая грань между нарицательным и собственным именем и никаких промежуточных явлений быть не может. Основным доказательством этого тезиса является безэквивалентность ономастической лексики, то есть непереводимость на другие языки. Кроме того, «нет или почти нет текстов, состоящих из одних онимов, и, наоборот, многочисленны типы текстов, составленных из одних апеллятивных единиц» [4, с. 28].

С другой стороны, множество онимов имеет нарицательную этимологию, что можно легко проследить. Личные имена строят свою семантику и внутреннюю форму на нарицательных словах, которые потеряли своё прямое значение, так например немецкие двусоставные имена (*Adalwin - Adal (благородный) + wini (друг), Burghild - Burg (крепость, защита) + hiltja*

(bumva), Griseldis- Gris (серый) + hiltja (борьба) в основе своей состоят из устаревших нарицательных основ.

«При анализе научной литературы, посвященной исследованию функционирования личных имен, установлено, что они имеют последовательное развитие и передаются из поколения в поколение. Таким образом, имя приобретает диахроническую информативность, коннотативность, аксиологичность, а история имен неразрывно связана с историей языка и народа.» [13, с. 218].

Переход имени нарицательного в имя собственное происходит лишь тогда, когда значение апеллятива стерто и мотивированность слова не воспринимается носителем языка [38].

А.А. Белецкий полагает, что «лексика любого естественного языка не распадается на два резко очерченных и взаимоисключающих класса несобственных (нарицательных) и собственных имен, а характеризуется двумя полярными функциями – функцией классификации, или обобщения, и функцией индивидуализации, или превращения в личное (индивидуальное) имя» [2, с. 18]. Подобной точки зрения придерживаются Л.А. Введенская, Н.П. Колесников [6], В.Д. Бондалетов [4], которые полагают, что основой для отличия двух классов существительных является конкретный характер нарицательных имен и абстрактный – собственных.

Конкретность апеллятива и абстрактность онима приводит к тому, что личное имя становится прямым именованием человека, нарицательное – непрямым. Апеллятив называет класс предметов, собственное имя всегда принадлежит определенному предмету, являясь его собственностью.

Нарицательное имя соотнесено с классом однотипных предметов, при этом называет определенный предмет, соотносит его с классом родственных и, как следствие, выражает понятие и лишь потом обозначает предмет. Собственное имя дается одному предмету, выделяя его из однотипных существительных [37].

А.В. Суперанская более четко, чем другие исследователи, определяет отличительные признаки собственного имени:

1) оно дается индивидуальному объекту, а не классу объектов, имеющих черту, характерную для всех индивидов, входящих в этот класс;

2) именуемый с помощью собственного имени объект всегда четко определен, отграничен, очерчен;

3) имя не связано непосредственно с понятием [33, с. 69].

Итак, одной из самых ярких характеристик собственных имен, в отличие от имен нарицательных, является способность онимов различать предметы в ряду однотипных, не указывая прямо на его свойства и признаки.

Исследователи рассматривают семантику эпонимической лексики с традиционной и общепринятой точки зрения. Рассмотрение семантической структуры языковых единиц происходит по следующим аспектам [19]:

1. *Денотативному* (аспект с минимум обобщающих признаков общего объема понятия);

2. *Сигнификативному* (данный аспект семантики - это содержание понятия, реализованного в этом значении);

3. *Коннотативному* (различные оттенки понятия).

В семантике слова данные аспекты выделяются только теоретически, а при активном использовании, сливаются воедино.

Для значения эпонимов, характерны определяющие элементы: это обобщение (оним, понятие, сигнификат) – это константа эпонима, существующая в нем, в отличие от конкретной аппликативности в речи, где оним наполняется индивидуальным конкретным содержанием.

Сигнификативный аспект значения эпонима – это содержание понятия, реализованное в этом значении. Совокупность свойств, признаков и отношений предметов, ядром которой являются отличительные существенные свойства, признаки и отношения это и есть содержание понятия [12].

В сигнификативном аспекте эпонимов как единиц языка отражается основное содержательное понятие, которое соответствует уровню знаний носителя языка и охватывает связь с носителем имени, следовательно, возможно предположить, что содержательное понятие эпонима будет отражать не только основную информацию, но и индивидуальную.

М.Э. Рут, более четко, чем другие исследователи описала сигнификативный компонент лексики онима «если идти по обычной схеме: сигнификат – денотат – коннотат, определяющей в общем виде структуру лексического значения, очевидно отсутствие ярко выраженного сигнификата. Его существование на уровне семы "человек" может оцениваться аналогично категориальной семе апеллятива. Другими словами, сигнификат антропонима лишь относит его к определенному разряду онима, не более того» [27, с. 23].

Сигнификативный компонент значения эпонима сводится к плану выражения. С одной стороны, это – этимология, выражаемая существительным, от которого произошло имя и которое дает ему содержание, а также коннотативный потенциал онима, от которого произошел эпоним. С другой стороны, с течением времени оно утрачивается, переосмысливается и ассоциативно наполняется новым содержанием [13].

Пассивная, редко используемая информация онима, познания языкового коллектива, которые были аккумулярованы и закреплены в его значении при актуализации онима в качестве эпонимического термина, выходит на первый план.

Следует уточнить, что именно ради экстралингвистической сущности слова и создается языковой знак (как имя нарицательное, так и собственное имя), называя ее разными терминами: денотат, десигнат, означаемое, референт, предмет. Логическая сущность будет иметь название представления о предмете, содержание, смысл, значение.

Денотативный слой значения, или денотативное значение, или просто денотат языкового выражения определяется И.М. Кобозевой при описании значения слова, это переданная им информация о внеязыковой действительности, о том реальном или воображаемом мире, о котором идет

речь. Исследователь рассматривает денотат как актуальный и виртуальный [17, с. 83].

Денотативный аспект значения личных эпонимов – это объем понятия, реализуемого на основе вычленения минимума обобщающих признаков денотата, то есть целого класса однородных предметов (общее), уникальных объектов (единичное) или абстрактных значений.

Лингвистическая сущность – это обозначающее, денотатор, десигнатор, звуковая последовательность, форма. При анализе значения эпонима (взаимоотношение имени и смысла) следует не просто рассматривать связь имени с его носителем, а установить денотат онима [39].

Лексический фон онима это компонентная иерархия со многими составляющими, причем эти составляющие находятся в симбиозе с денотатом и сигнификатом онима. Данная иерархия в своем составе имеет несколько компонентов, характеризующихся разной степенью языковой обобщенности: формальный, ситуативный, социально-исторический и индивидуально-ассоциативный. Данную общность можно назвать фоново-коннотативным значением [35].

Иерархия компонентов фоново-коннотативного значения разделена на более мелкие:

- формальный компонент, который отличается устойчивостью составляющих его признаков, малой подвижностью (этимология, компонент ложного фонетического соответствия, межъязыковой и фонетический);

- ситуативный компонент (субъектно-оценочный и функционально-стилистический, эмотивные формы, социальные нормы именования);

- социально-исторический (возраст, частотность употребления, происхождение, социальная окраска, эстетический признак).

- индивидуально-ассоциативный компонент зависит от опыта носителя языка, его образованности («выделившиеся» имена).

Принимая во внимание теоретические разработки по вопросу коннотации слов и личных онимов, в структуру коннотации эпонимов будут включены следующие компоненты: оценочный, экспрессивный и культурный, причем эти три элемента не являются механической суммой, а представляют собой взаимообусловленное целое [36; 38].

2. Эпонимация онима

В ономастике общепринято рассматривать и изучать с различных точек зрения процесс онимизации апеллятива (переход нарицательного слова или его основы в разряд ономастический лексики), однако в науке существует и напрямую противоположенный процесс - апеллятивация собственного имени и его деонимизация. Данный процесс - это переход собственного имени в другие лексические подклассы. «Например, это могут быть термины или номенклатурные обозначения различных областей знания: *генри* — единица самоиндукции (Дж.Генри — американский физик), *рентген-рентгеньвы* лучи,

рентгенография, рентгеноскопия (немецкий физик Рентген), *палех-миниатюрные изделия из папье-маше с особо стилизованной росписью* (Палех-село Ивановской обл.); *хохлома* - расписная деревянная посуда (Хохлома-село Горьковской обл., где ее изготавливают), *гжель* - белая фаянсовая посуда с синими рисунками (Гжель - густонаселенная местность в Подмосковной Мещере), *болонья* – тонкая водоотталкивающая ткань (Больнья — город в Италии)» [32, с. 43].

По средствам данного процесса через лексико-семантические изменения происходит пополнение общей лексики. Прагматически употребление имен собственных, от которых образованы нарицательные, в данных ситуациях — игнорируется, так, например, сочетание *армянский коньяк* никак не соответствует происхождению нарицательного слова «коньяк», так как Коньяк — это город во Франции, и данное сочетание нарицательных имен полностью оторвано от семантики имени собственного. То же самое изменения информативного потенциала онима происходит в сочетаниях *мальтийская болонка и ленинградский шевиот* (*Шевиот* — название гор в Англии). «Слова коньяк и шевиот из номенклатуры английской и французской торговли, где они выступают в роли товарных знаков, перешли в общую лексику русского языка. Еще более длинный путь проделало слово *болонка*: пройдя через специальный подъязык селекционеров-собаководов всей Европы, оно обрело в русской бытовой лексике переносное значение «чрезмерно завитая дама», обычно с пренебрежительным оттенком. Слово *рентген* в общей лексике подвергалось значительному упрощению. Для специалистов существуют *рентгеновская установка, трубка, рентгенограмма* и т.п. В слове *рентген* утрачена вся профессиональная специфика» [32].

Переход собственных имен как представителей специальной лексики, в нарицательный словарный состав языка осуществляются по-разному. Так, например, эпонимизация всегда соотносится с открытиями и с использованием новых научных понятий, которые становятся общечеловеческим достоянием (радио, спутник). Сигнификат слова изменяется: информативный потенциал онима трансформируется, теряя свою специфику, расширяется.

«Искусственный» переход собственных имен в апеллятив - это целенаправленный и преднамеренный процесс, однако существуют случаи, когда это явление имеет стихийный, мгновенный характер, так, например, эпонимы: *ньютон* (единица массы), *кюри* (единица радиоактивности), *ом* (единица сопротивления) являются омонимами антропонимов *Ньютон, Кури, Ом*. С другой стороны, в словосочетаниях *закон Ома, закон Ломоносова - Лавуазье* антропонимы не теряют свой ономастический характер и информативный потенциал, но функционируют в новых лингвистических условиях- эпонимических словосочетаниях, а, следовательно, переходят в терминологию и номенклатурные обозначения.

3. Эпонимы в научно-техническом дискурсе

Формирование концептуального пространства науки в рамках антропоцентрической парадигмы проходит по средствам актуализации терминов-антропонимов как знаков с большим удельным весом культурно-исторической информации [26, с. 87]. Именно эта информация является основанием для образования эпонимических терминов. Коннотативный компонент в семантике данных терминов, напрямую связан с семантикой имени собственного с культурно-исторической характеристики лица, имеющего отношение к поименованному предмету. Сигнификативный и денотативный компоненты семантики эпонима формируют научно-исторический компонент значения производной единицы [30].

Е. В. Варнавская, исследуя лексику медицинского дискурса, отмечает: «...эпонимические именованья составляют значимую часть медицинской терминосистемы, т.к. благодаря наличию имени собственного в составе термина, он может являться единственно приемлемым, термины-синонимы не всегда отражают сущность понятия, а определение понятия с помощью многословной описательной конструкции не является удобным» [5, с. 7].

Такие ученые как М. Г. Блау, Н. В. Васильева, В. А. Виноградов, В. Н. Губин, В. А. Иконникова, Е. М. Какзанова, С. Б. Королев, В. М. Лейчик, В. Д. Рязанцев, Р. П. Самусев, Л. П. Чурилов, С. Д. Шелов и занимались вопросами эпонимии и ее семантики.

В языке для специальных целей, где номинативные процессы очень велики, термины-эпонимы одинаково воспринимаются с апеллятивными терминами, что указывает на их естественное происхождение.

Процесс эпонимизации как новообразование в терминологическом аппарате науки нуждается в описании, систематизации и классификации.

Термины - эпонимы являются номинативно значимыми языковыми знаками, которые не только передают и хранят техническую информацию, но и служат источником лингвокультурной информации. «Фразеологический характер терминообразования свидетельствует об особом типе языкового освоения действительности. Будучи продуктивным способом создания терминов, фразеологизация базируется на различных метафорических и метонимических переносах» [14, с. 183; 37].

Эпонимы не выделяются в структурном плане на фоне апеллятивов, что, несомненно, является признаком жизнеспособности и состоятельности онимов данного типа как полноценных языковых единиц, причем единиц с большим номинативным потенциалом.

Исследователи выделяют коннотативные характеристики эпонимов с положительной и отрицательной окраской: «...эпонимические единицы как тип нейтральных, немотивированных или частично мотивированных единиц, имеющих в своем составе антропонимические компоненты, есть основания признать недостаточно удобными для выполнения коммуникативной функции в сфере учебной, научной и практической профессиональной деятельности. К

числу отрицательных качеств эпонимических терминов относится высокая протяженность за счет неединичных антропонимических компонентов, обеспечивающая затруднения мнемонического характера, сложность адекватного транскрибирования и произношения, необходимость сопровождения биографическими справками и иноязычными эквивалентами в терминографической практике. К положительным характеристикам эпонимических терминов можно отнести легкость номинативного процесса, меньшую протяженность по сравнению с частью квалификативных терминов, обеспечивающую адекватное, с точки зрения деонтологии, общение на отдельных уровнях профессиональной коммуникации» [16, с. 43].

Несомненным преимуществом большого числа терминов-эпонимов является их интернациональный характер, т.е. идентичный вид и значение в разных языках: Бека синдром – *Boeck' syndromum* (лат.) – *Boeck'syndrome* (англ.) – *Boecksche Syndrom* (нем.), Квинке отек – *Quincke'i oedema* (лат.) – *Quincke's edema* (англ.) – *Quinckesches Ödem* (нем.); симптом Виллиса – *symptoma Willisi* (лат.) – *Willis' sign* (англ.) – *Willis Zeichen* (нем.); симптом Кернига – *Kernigi signum* (лат.) – *Kernig's sign* (англ.) – *Kernigsches Zeichen* (нем.); точка Киссельбаха – *Kiesselbachi locus* (лат.) – *Kiesselbach's area* (англ.) – *Kiesselbachi Lokus* (нем.); палочка Коха – *Kochi bacillus* (лат.) – *Koch's bacillus* (англ.) – *Kochi Bacillus* (нем.); проба Ривальта – *Rivalta' testum* (лат.) – *Rivalta's test* (англ.) – *Rivalentasche Probe* (нем.), рефлекс Россолимо – *Rossolimo' reflexus* (лат.) – *Rossolimo's reflex* (англ.) – *Rossolimo Reflex* (нем.).

Традиционно термины по структурно-грамматическому признаку делятся на собственно вербальные (слова и словосочетания) и комбинированные, символю-вербальные термины, в состав которых входят цифры, литеры разного рода символические знаки [7, с. 37].

Основа терминов-эпонимов состоит из «разновозрастных» онимов, а именно имен ученых древности и современности. Данная основа определяет не только функционал эпонима, но и его лингвокультурологическую ценность, которая в свою очередь, отражается как в коннотации как самого эпонима, так и характеризует историческую составляющую собственного имени, от которого образовано эпонимическое именование.

Так, например, в философии такие эпонимы как *кантианство, марксизм* являются не только названием философских школ, но и ассоциируются с определенной личностью *Кантом и Марксом*.

Эпонимы, будучи языковыми знаками, подвергаются как другие языковые единицы, классификации и систематизации по принятым в языкознании принципам, основанным на понятийной характеристике.

Термины – эпонимы могут быть классифицированы по нескольким признакам:

- по «возрасту» собственного имени, которое составляет основу эпонима: окуляр Галилея, формула Торричелли, закон Генри, метод Дюма, данные эпонимы появляются в период активного развития физики и химии;

- по составу входящих в них антропонимов: созвездия *Волосы Ариадны* и *Волосы Вероники* данные названия используются в астрономии, для медицины показательны такие эпонимы как *синдром Алисы в Стране Чудес*;

- по источнику формирования (производные и непроизводные) это ономастическая лексика.

- по составу: односоставные (*вольт, ватт, эйнштейний, фермий*); многосоставные, входящие в терминологические словосочетания (*реакция Манту, болезнь Дауна, болезнь Боткина*).

Заключение

Таким образом, процессы номинации, терминологизации и эпонимии тесно связаны между собой, способствуют развитию лексикологического фонда языка и репрезентируют знания из разных дискурсов.

Список литературы

1. Арнаудов Г. Д. Медицинская терминология на пяти языках: словарь. София, 1979. 944 с.
2. Белецкий, А.А. Лексикология и теория языкознания (ономастика) / А.А. Белецкий. - Киев, 1972. - 207с.
3. Большой медицинский словарь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.encydic.com/bigmed> (дата обращения: 25.11.2013).
4. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983.– 224 с.
5. Варнавская Е. В. Статус и функционирование эпонимов в медицинской терминологии испанского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Воронеж, 2009. 23 с.
6. Введенская Л.А. От собственных имен к нарицательным / Л.А. Введенская, Н.П. Колесников. - М.: Просвещение, 1981. – 144 с.
7. Даниленко В. П. Русская терминология. – М.: Наука, 1977. – 276 с.
8. Залавина Т.Ю. Семантическая структура глагольных фразеологизмов, содержащих концепт «ПОРИЦАНИЕ» (на материале французского языка) // Вестник Костромского государственного университета. 2005. Т. 11. № 12. С. 106-109.
9. Зеркина Н.Н., Ломакина Е.А STUDIES FOR SPECIAL PURPOSES.// Учебное пособие по деловому английскому языку для студентов-магистрантов неязыковых специальностей и направлений / Москва, 2016. (2-е издание, стереотипное).
10. Зеркина Н.Н., Костина Н.Н. ЯЗЫКОВЫЕ ЕДИНИЦЫ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ КАК ОБЪЕКТ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ. ДИСКУРСИВНЫЕ И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (НА ПРИМЕРЕ АББРЕВИАТУР И ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА// Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4-3 (34). С. 81-85.

11. Зеркина Н.Н. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ//Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 636-638.
12. Зеркина Н.Н., Костина Н.Н. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ СЕМАНТИКИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ ВТОРИЧНОЙ НОМИНАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА//Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 301-305.
13. Зеркина Н.Н. Аксиологическая лингвистика: способы и механизмы манифестации ценностей и антиценностей в языке// Язык и языковая личность в эпоху глобализации: когнитивные, аксиологические, сравнительно-сопоставительные характеристики = Language and Linguistic Personality in the Age of Globalization: Cognitive, Axiological, Comparative Aspects: коллективная монография/ науч. ред.: Исакова Сабира Сагынбековна, Зеркина Наталья Николаевна. – Актобе; Магнитогорск: Магнитогорский Дом печати, 2017. – 348 с.
14. Зеркина Н.Н. ТЕРМИНОЛОГИЯ И ФРАЗЕОЛОГИЯ.//Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). С. 138-140.
15. Зюзина Е. А. Эпонимические единицы в составе специальной авиационной лексики: дисс. ... к. филол. н. Краснодар, 2006. 180 с.
16. Казарина С. Г. Типологические характеристики отраслевой терминологии: дисс. ... д. филол. н. М., 1999. 385 с.
17. Кобозева, И.М. Лингвистическая семантика [Текст] : учеб. пособие / И.М. Кобозева. - М.: Эдиториал УРСС, 2000. - 352 с.
18. Лейчик В. М. Обсуждение проблем эпонимии в современной науке [Электронный ресурс]. URL: http://www.ling-expert.ru/conference/langlaw1/leitchik_epomums.html (дата обращения: 25.11.2013).
19. Маслова В. А. Homo lingualis в культуре. М.: Гнозис, 2007. 320 с.
20. Новинская Н. В. Структурно-грамматическая характеристика терминов-эпонимов // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2004. № 3. С. 284-290.
21. Полякова Л.С., Суворова Е.В. Теория языка. Учебно-методическое пособие. Магнитогорск: Изд-во ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова», 2015. – 54 с.
22. Полякова Л.С. Коммуникативное воздействие эмоционально-оценочной политической номинации в синхроническом аспекте // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2011. № 2. С. 115-118.
23. Полякова Л.С. Понятие «речевое поведение» теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 44-47.
24. Полякова Л.С. Речевое воздействие: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 118-121.
25. Полякова Л.С. Теоретические подходы к определению понятия «дискурс» // Язык. Текст. Дискурс. 2009. №7. С. 87-91.

26. Рязанцев В. Д. Имена и названия. Словарь эпонимов: имена собственные, перешедшие в названия; образование терминов и понятий; происхождение имен нарицательных; слова, употребляемые в переносном смысле. М.: Современник, 1998. 288 с.
27. Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике / М.Э.Рут // Известия Урал. гос. ун-та. - 2001. - № 20.
28. Самусев Р. П. Анатомия человека в эпонимах: справочник: более 2300 эпонимов, используемых в отечественной и зарубежной анатомии. М.: Ониск; Мир и образование, 2007. 656 с.
29. Суворова Е.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНФЕРЕНЦИИ//Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 176-180.
30. Суворова Е.В., Полякова Л.С. ИНФЕРЕНЦИЯ В ПРОЦЕССАХ НОМИНАЦИИ //Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2016. Т. 2. № 4. С. 131-139.
31. Суворова Е.В. ПРОЦЕССЫ ИНФЕРЕНЦИИ В НОМИНАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ//Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т. 2. № 1. С. 272-275.
32. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. - М.: Наука, 1973. - 366 с.
33. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного / А.В. Суперанская. - М.: Наука, 2007. - 366 с.
34. Толковый словарь избранных медицинских терминов: эпонимы и образные выражения / под ред. Л. П. Чурилова. СПб.: ЭЛБИ, 2010. 336 с.
35. Тритенко Т. В. Мифологические образы в языке клинической психологии: дисс. ... к. филол. н. М., 2011. 238 с.
36. Zalavina T., Kisel O. "Blame" Concept in Phraseology: Cognitive-Semantic Aspect (Based on the French Language). IJESE. 2016. Vol. 11, N 17. Pp. 9693-9703.
37. Zerkina N.N. SEMANTICS IN TEACHING. SEMANTIC SHIFTS OF COMMON ENGLISH ADJECTIVES// Актуальные проблемы современного профессионального образования материалы I Международной научно-практической конференции (на иностранных языках). редакционная коллегия: Т.А. Знаменская, О.В. Томберг, В.В. Пузырев. 2014. С. 157-162.
38. Zerkina N.N., Lomakina E.A., Kostina N.N. AXIOLOGICAL LINGUISTICS AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING//Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 199. С. 254-260.
39. Zerkina N.N. EXPLICIT AND IMPLICIT REPRESENTATION OF THE CONCEPT WHITE IN ENGLISH//Когнитивные исследования языка. 2011. № 8. С. 405-406.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

*Полякова Лилия Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент,
МГТУ им. Г.И. Носова
Южакова Юлия Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент,
МГТУ им. Г.И. Носова*

Linguistic Manipulation Means in English Political Discourse

*Liliya S. Polyakova,
Yuliya V. Yuzhakova*

Введение

Современные научные исследования все чаще становятся междисциплинарными [2, с. 106; 27, с. 9693; 28, с. 10], и политическая лингвистика не является исключением. Так как политика взаимосвязана со СМИ, то изучение политического дискурса невозможно без рассмотрения различных политических явлений. В настоящее время в информационном пространстве значительное внимание аудитории привлекается не только к отдельным политическим лидерам, но освещаются их поступки или события [16, с.119].

Следовательно, политика стала одним из важнейших элементов функционирования современного общества, призванным, регулируя взаимоотношения людей в социуме, обеспечивать устойчивость социальных процессов. Отличительными чертами политической коммуникации являются публичность, однонаправленность (от коммуникатора к реципиенту), нестабильный и неоднородный характер аудитории [24; 30].

Согласно Е. К. Павловой язык политики влияет на язык в целом, что, в свою очередь, объясняется следующими факторами:

- совершенствованием методов речевого воздействия на эмоционально-оценочное восприятие субъектом политической действительности;
- возросшим интересом широких масс к вопросам внутренней и внешней политики в связи с изменениями в мире в конце XX — начале XXI в.;
- процессом «информатизации» общества, в результате которого языковой материал, получаемый субъектом через СМИ, превалирует над всеми другими. Если раньше язык и речь в массе формировались в связи с художественной литературой, то в настоящее время на первом месте находится язык печатных и электронных СМИ, который еще недостаточно изучен» [1, с. 77].

Как правило, изучение СМИ проводится на базе анализа политического дискурса, так как именно благодаря исследованиям в области политической лингвистики возможно выявить новые явления, приемы, отражающиеся в языке

в связи с различными изменениями, событиями мира политики [24]. Важной особенностью политического дискурса является то, что политики часто пытаются завуалировать свои цели, используя номинализацию, эллипсис, метафоризацию, особую интонацию и другие приемы воздействия на сознание электората и оппонентов. Однако толкования этого термина до сих пор неоднозначны: в некоторых работах понятие «политический дискурс» принимается как данность и не поясняется, а в других - разновидности или формы политического дискурса рассматриваются как самостоятельные виды дискурса и не соотносятся с ним [14, с. 116].

Исходя из этого следует, что цель политического дискурса должна состоять в том, чтобы убедить адресата, пробудив в нем намерения оказать поддержку политике, побудить к действию, например. Основываясь на данной цели, можно судить об эффективности политического дискурса.

1. Проблема языкового манипулирования в политическом дискурсе

Современные средства массовой информации, посвящённые политическим вопросам, все больше превращаются из информирующих в воздействующие. Они оказывают влияние «на мировосприятие человека, строй его мышления, стиль, тип культуры». Воздействие политического текста возрастает в условиях политической нестабильности, различного рода кризисов и конфликтов. В такие периоды в политическом дискурсе начинает активно использоваться речевое манипулирование для давления на общественное сознание, целью которого является: дискредитация оппонентов, усиление политической позиции, нейтрализация негативных настроений общественности [8, с. 172].

В настоящее время вне зависимости от государства, политологи наблюдают низкую политическую культуру, поскольку большинству населения представляет сложность осуществление политического выбора на основе учета собственных интересов, что обуславливает интерес к проблеме манипуляции. Следует отметить, что речевые стратегии в современном политическом дискурсе направлены на следующие мотивы: убеждение принятия решения, нужное для субъекта политической деятельности, оказание воздействия на адресата [5, с. 127; 5].

Манипулятивность в большинстве исследований рассматривается как совокупность лингвостратегий, характерных для политического дискурса (Р. Блакар, Р. Водак, Н. Э. Гронская, Г. А. Копнина, М. Ю. Кочкин, О. Л. Михалева, П. Б. Паршин, О. Н. Паршина и др.). Это не случайно по причине того, что язык, а точнее слово, на сегодняшней политической «арене» является основным инструментом осуществления власти, по выражению Р. Блакара, «инструментом социальной власти» [18, с. 217].

Учитывая преднамеренный, скрытый характер языковой манипуляции, разнообразие вербального оформления и ее структурную сложность, следует отметить, что ей присущи все основополагающие черты политической

коммуникации: направленность на воздействие, стратегичность, театральность языкового сообщения, запланированность коммуникации [20, 21].

В научной литературе существует ряд определений понятия речевого манипулирования, которые, главным образом, сводятся к тому, что манипуляция – это, практика управления человеком, его сознанием и поведением, а целью политического манипулирования является получение, реализация и сохранение власти [12, с. 97-98].

Говоря о манипулировании в политическом дискурсе, необходимо отметить, что данное явление может быть осуществлено не только средствами речевого воздействия, но и психологического. Так, в психологии манипуляция рассматривается как коммуникативное воздействие, которое ведет к актуализации определенных мотивационных состояний у объекта воздействия, побуждающих его к выгодному, для субъекта воздействия поведению, при этом не предполагается, что оно обязательно должно быть невыгодно для объекта воздействия. Данная трактовка находит свое подтверждение у О.Н. Быковой, согласно которой «речевое манипулирование - это отбор и использование таких средств языка, с помощью которых можно воздействовать на адресата речи, и предполагает такое воздействие на адресата, которое тот не осознает и воспринимает как часть объективной информации» [10].

В рамках когнитивно-дискурсивного направления в лингвистике можно выделить два основных подхода к интерпретации термина манипуляции: *прагматический подход* в логике Д. Спербера и Д. Вилсона [Sperber, Wilson 1995; Sperber, Cara, Girotto 1995], и *подход в рамках методологии критического дискурса-анализа*, описанный в работах Т. ван Дейка [Dijk 1999, 2006]. Дискурс-аналитики рассматривают манипуляцию как разновидность аргументирующего дискурса, благодаря которому возможно воспроизводить и укреплять власть определенной политической группы, при этом акцентируется роль манипулятора, оказывающего воздействие при помощи манипулятивного дискурса [Dijk 2006]. В то же время представители прагматической концепции считают, что манипуляция – это искусно выстроенный контекст, в котором информация подается так, что, при нескольких возможных пресуппозициях, в сознании реципиента текста актуализируются только те, которые выгодны манипулятору, а остальные контекст затемняет или блокирует. Таким образом, реципиент текста следует маршрутом, проложенным манипулятором, но, тем не менее, процесс смыслоформулирования производится самим интерпретатором [9; 16; 20].

По мнению И.В. Сентенберг и В.И. Карасика, речевые манипуляции понимаются как нарушения аргументации – псевдоаргументация; Т.М. Николаевой – как средство воспитания в ситуации «коммуникативного саботажа» и лингвистической демагогии, а К.Л. Бове и У.Д. Аренс – как средство достижения целей посредством убеждения [9]. Однако большинство ученых оценивают манипуляцию как «воздействие на человека с целью побудить его сделать что-либо (сообщить информацию, совершить поступок,

изменить свое поведение) неосознанно или вопреки его собственному желанию, мнению, намерению» [8, с. 173].

Сам термин произошел от лат. 'manipulus', слова, которое имело в древней латыни два значения: 1) кисть руки, сложенная «горсточкой», и 2) военный отряд из 120 человек. Оксфордский словарь английского языка дает следующее определение слова манипуляция: «Обращение с объектами со специальными намерениями, особенной целью», с выделением переносного значения: «Акт влияния на людей, управления ими или вещами с ловкостью (с пренебрежительным оттенком), скрытая обработка». Словарь С. И. Ожегова дает более четкое определение: проделка, мошенничество (с неодобрительным оттенком) [23].

В зависимости от характера информационных преобразований в политическом дискурсе разграничиваются следующие *виды манипулирования*:

1. *Референциальное манипулирование*, связанное с искажением образа денотата/референта в процессе обозначения действительности:

– *фокусирующее* манипулирование (сдвиг прагматического фокуса – меняется угол зрения и, соответственно, характер восприятия денотата, что заставляет адресата воспринимать его в выгодном для манипулятора свете);

– *фактологическое* манипулирование – искажение фактов (ложь, подтасовка фактов, преувеличение, недоговорки, создание референциальной неопределенности) [23].

2. *Аргументативное манипулирование*, связанное с нарушением постулатов общения:

– нарушение логики развития текста или цельности текста (уход от ответа, переключение темы);

– уклонение от обязанности доказывания, например, использование стратегии иммунизации – формулирование точки зрения в неопровержимой форме, не требующей доказательств, или уклонение от полноты представления информации, подтверждающей высказанную точку зрения, в частности, опущение квантификаторов точности и введение квантификаторов неопределенности;

– маскировка логических ходов, например, маскировка ассерции под пресуппозицию или импликацию [8], возражение под видом согласия [9], ложные аргументы. Искажение информации о денотате может быть представлено в виде двух пересекающихся градационных шкал – осей информационного пространства: – сообщение о факте – недоговаривание (частичное умолчание) – полное умолчание (утаивание информации);

– правда (полное соответствие фактам) – частичное искажение – откровенная ложь (полное искажение) [23].

Таким образом, в нашей работе под *манипулированием* мы подразумеваем такой вид взаимодействия между людьми, при котором один из них (манипулирующий) пытается осуществлять контроль за поведением другого (манипулируемого), побуждая его вести себя угодным манипулирующему способом: голосовать за кандидата, платить налоги, покупать товары и т.д.

Причем делается это таким образом, что манипулируемый не осознает себя объектом воздействия, так как ему кажется, что он сам вследствие рассуждения или душевного порыва захотел сделать именно так.

2. Средства языкового манипулирования в политическом дискурсе

Задача политического лидера – завоевать и удержать симпатии населения, привязанность, понимание, поддержку, его доверие – не всегда выполнима с помощью «корректного» рационального убеждения, основанного на логическом доказательстве [16]. Довольно часто политические лидеры прибегают к тем или иным видам манипулятивных приемов или «уловок» (А. Шопенгауэр, С. Поварнин, Г. Грачев, И. Мельник, И. Вагин), используемых в дискуссиях, к стратегиям и средствам речевого воздействия на чувства, эмоции и подсознание адресата с целью создания и поддержания соответствующего имиджа [25; 31].

Эта задача выполняется при помощи следующих *языковых стратегий манипулирования в политическом дискурсе*:

– *Идентификационные формулы* - это языковые обороты, с помощью которых адресат побуждается идентифицировать, отождествлять себя с говорящим, его позицией, партией, вызвать ощущение причастности, коалиции, общности, и т. д. (персональный дейксис Фершуэрена).

– *Представление субъективного мнения* в виде объективного факта или истины, не требующей доказательств, в форме категоричного суждения.

– *Употребление слов-эпистемиков*: включает слова с общим значением «знать», «понимать»: *как известно, как мы все знаем, нет сомнения в том, что* и др. Использование подобной лексики придает политическому тексту характер безусловной истины, не подлежащей сомнению.

– *Ссылка на авторитет* - является близкой стратегией к перечисленным выше приемам, при которых некоей известной личностью предлагается свое видение проблемы. При этом создается ситуация, когда с аудитории снимается нагрузка принятия решения, так как выводы уже сделаны более компетентным человеком, но в то же самое время, сам политик, снимает с себя всю ответственность за выбор аудитории, потому что он «ссылается на чье-то мнение».

– *Выражение уверенности говорящего* в согласии адресата [18].

Воздействие может обращаться к чувствам человека, прежде всего к страху, гневу, ненависти: как правило, это происходит через *эмоционально-окрашенную лексику*, так как, выбирая определенную лексику, человека можно разозлить, запугать и, таким образом, определить его поведение. Например, обращение к негативным эмоциям, прием внушения беспокойства довольно часто встречается в политическом дискурсе.

Еще один аспект, используемый для языкового манипулирования, – *социальное самочувствие человека*. Разделение на 'чужих' и 'своих', желание быть как все, осознание своего места в обществе и стремление его улучшить –

все это в значительной мере определяет поведение человека. Например, говоря *мы*, автор текста как бы автоматически объединяет мнение слушающего со своим [5, 6, 29].

Наконец, поведение человека определяется не только эмоциями, стремлением к самоутверждению, но и *представлениями о мире – картиной или моделью мира*. С помощью языковых средств ее компоненты могут измениться таким образом, что слушающий не будет осознавать, что он является объектом речевого воздействия. Первый инструмент, использующийся для речевого влияния, – выбор слов и выражений. При этом часто эмоциональное воздействие совмещается с обозначением отношений ‘*свой*’ – ‘*чужой*’ [26].

Выбрав нужные слова, можно воздействовать и на образ действительности. Чаще всего употребляются *эвфемизмы*, представляющие действительность в более благоприятном свете.

Достаточно много средств языкового манипулирования предоставляет *синтаксис*: пассивный залог вместо активного, многочисленные конструкции с отглагольными именами (*захвачены заложники, захват заложников*). При использовании пассивного залога о реальном производителе действия можно и не упоминать: на первый план выходит само событие, а ответственность за него вроде бы никто и не несет.

Еще одно эффективное средство манипуляции – *метафоры*. Обращение к ним всегда затрагивает модель мира. Одна из самых распространенных тактик речевого воздействия – использование *военной метафоры*.

Довольно часто манипуляция осуществляется при помощи *пресуппозиции*, информации, которая неявно содержится в высказывании. Также для политической коммуникации характерны практически все приемы ‘*нечистоплотной*’ *аргументации и словесной агрессии* – т.е. весьма грубых разновидностей языковой манипуляции [13].

Языковые приемы манипуляции разнообразны и многочисленны, вследствие чего невозможно создать единую классификацию совокупности неречевых и речевых средств манипуляции в межличностном общении, так и в манипулировании электоратом в политической агитации, а также в формировании общественного мнения в медийном пространстве, но политический дискурс предоставляет возможность выявить общие черты, присущие языковой манипуляции [20, с. 36].

Представляет интерес метод разграничения приемов речевого воздействия, предложенный В.Е. Чернявской, а также выдвинутый П.Б. Паршиным в статье «Речевое воздействие»: авторами рассматривается построение манипулятивного сообщения как выбор лингвистических языковых средств на различных уровнях языка, к которым относятся синтаксические, лексико-семантические и риторико-стилистические средства языковой манипуляции [11].

Таким образом, очевидно, что на данный момент нет общепризнанной классификации приемов речевого манипулирования, как и единой терминологии в этой области. Можно выделить две основные тенденции,

исследователей при анализе данной темы: в одних случаях имеет место простое перечисление приемов речевого манипулирования, в других — предлагаются разнообразные классификации, выделенные на различных основаниях и отличающиеся друг от друга [8, с. 174].

3. Анализ приемов языкового манипулирования в английском политическом дискурсе

Целью данного исследования является раскрытие манипулятивного характера политического дискурса на примере публичных выступлений политиков США.

Проследим уровни и приемы манипулятивного воздействия на примере статьи “*Trump – Russia dossier: why its findings grow more significant by the day*” («Досье Трамп – Россия: почему значимость полученных данных растет с каждым днем»), опубликованной на сайте газеты «Гардиан» 7 октября 2017 г. [33].

Заголовок статьи, как и первая фраза любого высказывания, во-первых, выполняет функцию привлечения внимания адресата, поэтому чаще всего заголовки бывают достаточно яркими и экспрессивными, эмоционально окрашенными. Во-вторых, заголовок отражает содержание всего текста – из заголовка читатель должен получить ответ на вопрос, о чем данная статья и, соответственно, сделать выбор: читать данный текст или нет. Рассматриваемый заголовок содержит в себе несколько уровней (лексический, грамматический, стилистический, прагматический) и приемов манипулятивного воздействия. Первая часть заголовка, словосочетание *Trump – Russia dossier* (досье Трамп – Россия), представляет собой назывную конструкцию, эксплицирующую существование некоего досье, содержащего, по всей видимости, факты, касающиеся президента США и России. Однако, благодаря существующему информационному фону и бессоюзной конструкции *Trump – Russia*, данное словосочетание имплицитно подразумевает существование некой реальной связи между президентом США и Россией. Подобная связь должна оцениваться отрицательно англоязычным читателем (т.к., благодаря тому же информационному фону, в сознании англоязычного читателя сложилось негативное отношение к России, иными словами в англоязычной версии концепта «Россия» преобладают отрицательные смыслы). Вторая часть заголовка, судя по синтаксической структуре (бессоюзная связь, оформленная с помощью двоеточия), доказывает, поясняет и развивает идею, высказанную в первой части (связь Трампа с Россией). Манипулятивный потенциал второй части также реализуется за счет противопоставления эксплицитной и имплицитной информации. Эксплицитная информация, специальный косвенный вопрос *why its findings grow more significant by the day* (почему значимость полученных данных растет с каждым днем), свидетельствует о нейтральной интенции автора – его стремлении узнать истину. Однако это вопросительное по модальности/форме предложение содержит пропозицию

«значимость полученных данных растет с каждым днем», которая внедряется в сознание адресата, как констатация факта, и имплицитно существование реальных доказательств связи Трампа с Россией.

Зачин статьи уточняет и развивает информацию, содержащуюся в заголовке, а именно развивает идею связи Трампа с Россией: *As US officials investigate potential collusion between Trump and Moscow, the series of reports by the former UK intelligence official Christopher Steele are casting an ever darker shadow over the president* (В то время как американские должностные лица расследуют предполагаемый тайный сговор между Трампом и Москвой, ряд докладов бывшего сотрудника Британской разведки Кристофера Стила бросают еще более темную тень на президента). Для развития негативного образа президента Трампа, созданного в заголовке, в зачине автор использует прием градации. Зачин представляет собой сложное предложение с придаточным предложением времени. Первая часть предложения, *As US officials investigate potential collusion between Trump and Moscow*, придаточное предложение времени, содержит ссылку на идею, отраженную в заголовке *potential collusion* (предполагаемый тайный сговор). Эта идея выражается с помощью сочетания прилагательного *potential* (предполагаемый), в состав которого входит сема неуверенности в достоверности излагаемых фактов, и существительного *collusion* (тайный сговор), обладающего отрицательными коннотациями. Таким образом, в первой части зачина автор повторяет информацию из заголовка и имплицитно возмущает возможную вину президента в названном действии *collusion* (тайный сговор) и свою неуверенность в достоверности информации *potential* (предполагаемый). Вторая часть зачина представляет собой главное предложение в составе сложного, в котором происходит усиление негативной оценки деятельности президента. Это происходит за счет использования яркого стилистического средства – метафоры (*cast a shadow over the president* – бросать тень на президента), имплицитно некие неблагоприятные деяния, которые формируют отрицательное отношение к президенту. Сравнительная степень прилагательного (*an ever darker shadow* - еще более темная тень) имплицитно еще более неблагоприятные поступки, чем те, которые были упомянуты в первой части. Таким образом, в данном зачине использованы такие стилистические средства как градация и метафора, которые способствуют воздействию на сознание адресата и развитию негативного образа президента Трампа, иными словами используются в манипулятивных целях.

Основная часть начинается со следующего предложения: *It was reported this week that the document's author, former British intelligence official, Christopher Steele, has been interviewed by investigators working for the special counsel on Russian interference in the 2016 election* (На этой неделе сообщили, что автор документа, бывший сотрудник британской разведки, Кристофер Стил, был допрошен следователями, работающими на специального советника по вмешательству России в выборы 2016 года). Прежде всего, хочется отметить, что словосочетание *Russian interference in the 2016 election* (вмешательство

России в выборы 2016 года) преподносится читателю с модальностью констатации факта, т.е. как непреложная истина. Адресат воспринимает информацию, оформленную таким образом, как данность, как аксиому. Иными словами, читатель лишен возможности задуматься соответствует ли изложенная информация действительности. Таким образом, модальность констатации факта способствует внедрению в сознание адресата нужного отношения к референту и, соответственно, способствует реализации манипулятивных интенций автора.

В этом же отрывке мы можем найти нарушение максимы количества информации Г. Грайса, которое довольно часто используется в целях манипуляции. Так, здесь утверждается, что *Christopher Steele, has been interviewed by investigators working for the special counsel on Russian interference in the 2016 election* (Кристофер Стил, был допрошен следователями, работающими на специального советника по вмешательству России в выборы 2016 года). Адресат, получая дополнительную информацию о следователях, которые, оказывается, также работают на специального советника по вмешательству России в выборы 2016 года, мысленно связывает эти два «дела» и формирует представление, что Россия действительно причастна к обоим описываемым выше событиям.

Еще одной особенностью рассматриваемой статьи является тот факт, что в качестве агенса часто используются «неодушевленные» доклады Кристофера Стила: *...the series of reports ... are casting an ever darker shadow...* (...ряд докладов... бросает еще более темную тень...); *...the set of intelligence reports... is still hanging over Washington, casting a shadow over the Trump administration...* (...ряд докладов разведки... все еще висят над Вашингтоном дамокловым мечом, бросая тень на администрацию Трампа...); *... they cite a range of unnamed sources...* (...Они цитируют ряд анонимных источников...). Подобная персонификация «неодушевленных» докладов выполняет несколько смежных функций: с одной стороны, автор статьи выступает в качестве объективного наблюдателя, лишь передающего содержание вышеупомянутых документов. С другой стороны, оценочная информация, переданная автором как содержание документа, т.е. с модальностью констатации факта, некритично воспринимается читателем и относительно легко внедряется в его сознание, чему также способствует кажущаяся объективность автора, его непричастность к излагаемой оценке.

Аналогичную функцию в тексте статьи выполняют «многочисленные анонимные источники», призванные внедрить в сознание читателя необходимую автору оценку описываемых событий. С их помощью у читателя создается впечатление, что автор статьи действительно только передает известную информацию, полученную из реальных источников. Это помогает убедить читателя в истинности полученной информации благодаря многочисленности источников и их кажущейся объективности. Однако если только читатель задумается над вопросом, кто эти источники, и почему они не называются, то манипулятивный потенциал статьи резко снизится.

... they cite a range of unnamed sources, in Russia and the US, who describe the Kremlin's cultivation over many years of the man who now occupies the Oval Office – and the systematic collusion of Trump's associates with Moscow to help get him there (... они цитируют ряд анонимных источников из России и США, которые описывают многолетнее взращивание Кремлем человека, который сейчас занимает Овальный кабинет, и систематические связи сторонников Трампа с Москвой, чтобы помочь ему попасть туда).

Информация, изложенная в рассматриваемом отрывке «анонимными источниками», по форме представляет собой нейтральное описание ситуации, простое перечисление фактов, лишённое эксплицитной оценки, что должно свидетельствовать об объективности и непредвзятости автора и «источников». Для достижения подобного эффекта автор использует назывные конструкции, формально лишённые оценочности: *Kremlin's cultivation; the systematic collusion of Trump's associates with Moscow*. Однако эти конструкции содержат концепты *Kremlin* и *Moscow*, которые актуализируют оппозицию «свой» - «чужой» и тем самым вызывают в сознании англоязычного читателя негативную оценку описываемых действий, особенно если учитывать существующий в мировых СМИ информационный фон.

Цитатные вставки и косвенная речь ораторов, с одной стороны, свидетельствуют о непредвзятости и объективности автора, а с другой стороны, призваны внедрить в сознание адресата идеи и оценки, необходимые автору статьи, т.е. могут использоваться в манипулятивных целях. При этом автор может применять разные тактики. Например, он может использовать косвенные характеристики ораторов, описывающие их мировоззрение, партийную принадлежность, гражданство, место работы и должность. Такие косвенные характеристики ораторов, представленные в развернутых ремарках автора, служат средством актуализации оппозиции «свой» - «чужой» и помогают читателю ориентироваться в аксиологическом пространстве текста. Точка зрения и оценка ситуации, изложенная «своим» (представителем своей страны, своей социальной группы, своей партии) скорее получит отклик в сознании адресата и будет оценена положительно, такую точку зрения легче внедрить в сознание читателя.

Например, предложение «*Even a senior Republican, Richard Burr, the chairman of the Senate intelligence committee, admitted this week it was an open question*» (Даже влиятельный республиканец Ричард Бар, председатель комитета по разведке в Сенате, признал на этой неделе, что это нерешенный вопрос) содержит следующую ремарку автора: *Even a senior Republican, Richard Burr, the chairman of the Senate intelligence committee* (Даже влиятельный республиканец Ричард Бар, председатель комитета по разведке в Сенате). Эта ремарка может имплицировать следующее: даже однопартиец Трампа, не последний человек в партии, специалист в области разведки считает, что обвинения в адрес Трампа могут иметь какие-то основания. Иными словами, раз уж сторонники президента допускают возможность правдивости обвинений в его адрес, то у читателя есть все основания считать их истинными. Далее для

усиления воздействия на адресата и развития его уверенности в вине России и Трампа автор использует еще одну косвенную реплику Барра: *In his remarks this week, Burr said his committee had come to a consensus in supporting the conclusions of a US intelligence community assessment in January this year that Russian had conducted a multi-pronged campaign to interfere in the 2016 election, in Trump's favour* (На этой неделе в своих замечаниях по делу Барр сообщил, что его комитет пришел к единому мнению и поддержал выводы, сделанные разведсообществом США на основе экспертной оценки в январе этого года: Русские провели многоэтапную кампанию по вмешательству в выборы 2016 года в пользу Трампа. Данная реплика содержит обвинение России во вмешательстве в выборы 2016 года, при этом автор использует модальность констатации факта и, таким образом, преподносит эту информацию, как истинную: *Russian had conducted a multi-pronged campaign to interfere in the 2016 election, in Trump's favour* (Русские провели многоэтапную кампанию по вмешательству в выборы 2016 года в пользу Трампа). Чтобы читатель не сомневался в вышеупомянутой точке зрения, автор приводит мнение источников, связанных с разведкой, которые должны вызвать у читателя доверие и заставить его согласиться с изложенной позицией. Поскольку таких источников несколько, читатель может быть абсолютно уверен в их правоте: *committee had come to a consensus* (комитет пришел к единому мнению – речь идет о сенатском комитете по разведке, возглавляемом Барром); *a US intelligence community assessment* (экспертная оценка разведсообщества США). Сопоставляя две косвенные реплики Барра, рассмотренные выше: ... *admitted this week it was an open question* (...признал, что это нерешенный вопрос) и *Russian had conducted a multi-pronged campaign to interfere in the 2016 election, in Trump's favour* (Русские провели многоэтапную кампанию по вмешательству в выборы 2016 года в пользу Трампа), мы можем сказать, что автор применил своеобразный прием градации, наглядно демонстрирующий изменение позиции Барра по вопросу вмешательства России в американские выборы. Подобное изменение отношения, основанное на изучении информации нескольких заслуживающих доверия источников, связанных с разведкой, должно в очередной раз доказать читателю обоснованность предъявляемых России и Трампу обвинений.

Видимо, сомневаясь в получении необходимого читательского отклика, автор не останавливается на достигнутом и для лучшего воздействия на адресата использует еще один прием, основанный на применении цитат и косвенной речи. Он представляет в тексте мнение многих, иногда даже противоборствующих, сторон, излагающих одинаковое видение событий, что должно доказывать объективность их восприятия и способствовать внедрению соответствующей точки зрения в сознание адресата.

Так, автор подкрепляет довольно спорную фразу: *Russian had conducted a multi-pronged campaign to interfere in the 2016 election, in Trump's favour* (Русские провели многоэтапную кампанию по вмешательству в выборы 2016 года в пользу Трампа), следующим предложением: *It is a finding that echoes the*

reports that Steele was producing seven months earlier. Trump has called the assessment a “hoax”, but there is no sign the three agencies that came to that conclusion, the CIA, FBI and NSA, have had any second thoughts in the intervening months (Эти сведения перекликаются с докладами Стила, сделанными 7 месяцев назад. Трамп назвал такую оценку ложью, однако, не похоже, чтобы 3 организации: ЦРУ, ФБР и АНБ, сделавшие такой вывод, сомневались в этом).

Высказывание Трампа противопоставляется выводам, сделанным такими весомыми организациями как ЦРУ, ФБР и АНБ, выступающими единым фронтом. Чье мнение будет более значимым для читателя? Автор использует противопоставление и ссылки на мнение авторитетных источников, чтобы внушить необходимые выводы адресату.

Сформировав у читателя определенное отношение к описываемым событиям (уже стало понятно, кто - хороший, а кто – плохой), автор переходит к дальнейшему развитию этой темы, а именно к демонстрации ложных высказываний Трампа и его окружения, чтобы еще раз подчеркнуть, что их словам верить нельзя. С этой целью автор опять использует косвенную речь и цитатные вставки: *After the meeting was first reported on 8 July this year, the president’s son claimed (in a statement dictated, it turned out, by his father) that it had been about adoptions of Russian children by Americans. The next day that was exposed as a lie, with the publication of emails that made it clear that Veselnitskaya was offering damaging material on Hillary Clinton, that an intermediary setting up the meeting said was “part of Russia and its government’s support for Mr Trump”.*

(После того как 8 июля этого года появилась первая информация о встрече, сын президента заявил (заявление было продиктовано, как выяснилось, его отцом), что речь на встрече шла об усыновлении русских детей американцами. На следующий день, его слова были разоблачены, когда были опубликованы электронные письма, из которых становится ясно, что Весельницкая предлагала компромат по Хиллари Клинтон, а посредник, организовавший встречу, сообщил, что это «вклад России и поддержка правительством г-на Трампа».

Этот отрывок содержит противопоставление слов сына Трампа о встрече с адвокатом Натальей Весельницкой (*it had been about adoptions of Russian children by Americans - речь шла об усыновлении русских детей американцами*) и слов некоего посредника, организовавшего эту встречу (*part of Russia and its government’s support for Mr Trump - вклад России и поддержка правительством г-на Трампа*). По сути, вторая реплика – это слова неизвестного анонимного источника, к которому в другой ситуации мало кто прислушался бы. Однако предшествующая часть статьи уже «подготовила» читателя, сориентировала его в аксиологическом пространстве текста, разделив действующих лиц на «своих» и «чужих». Поэтому слова анонимного источника воспринимаются не как голословное обвинение, а как доказательство лживости Трампа и его окружения. К тому же описание встречи содержит авторскую подсказку-ремарку, относящую Наталью Весельницкую к стану «чужих»: *a Russian lawyer closely tied to the government (русский адвокат, тесно связанный с*

правительством). Таким образом, читатель «сам» делает нужные автору статьи выводы.

Дальнейшие ссылки на анонимные источники, которыми переполнена данная статья, уже не должны вызывать у читателя никаких вопросов, так как они довольно однотипны и содержат подсказки - «ориентиры» в виде концептов *Кремль*, *Российская власть*, *Москва* и др., которые помогают читателю выбрать «свою» правильную сторону и не запутаться в анонимном высказывании. Сами же ссылки лишь в очередной раз подтверждают уже сформированную точку зрения и служат для «закрепления» материала:

Steele quoted a source as saying that “the Kremlin had been feeding Trump and his team valuable intelligence on his opponents, including Democratic presidential candidate Hillary Clinton”, for several years (Стил процитировал источник: «Кремль предоставлял Трампу ценные сведения о его оппонентах, включая кандидата на пост президента от демократической партии, Хиллари Клинтон).

Source E, an ethnic Russian close associate of Republican US presidential candidate Donald Trump, admitted that there was a well-developed conspiracy of cooperation between them and the Russian leadership (Источник И., этнический русский, тесно связанный с кандидатом на пост президента от республиканской партии Дональдом Трампом, признал, что существовало тайное сотрудничество между ними и российской властью).

Steele’s sources describe him as an “intermediary” between Manafort and Moscow (Источники Стила называют его «посредником» между Манafortом и Москвой).

Заканчивается статья фразой: *But the dossier has not faded from view. Instead, it appears to be growing in significance as the investigations have gathered pace (Но досье не исчезло из поля зрения. Напротив, кажется, что оно приобретает значимость по мере того, как расследование набирает обороты).*

Итак, рассмотренный текст посвящен так называемому досье о помощи России Трампу в президентских выборах 2016 года. Досье составлено бывшим сотрудником Британской разведки Кристофером Стилом. Данный текст основан на рассмотрении информации, представленной разными источниками, поэтому основу текста составляют цитаты, цитатные вставки и косвенная речь. Формально автор отстраняется от комментирования реплик, создавая, таким образом, впечатление невмешательства в ход мыслей адресата, создавая у адресата уверенность, что он сам пришел к конечным выводам, иными словами манипулируя им.

Заключение

С точки зрения современной лингвистики политический дискурс является материалом для изучения эффективности речевого воздействия на слушателя. Предвыборные дебаты, парламентские выступления, избирательные технологии и кампании - понятия, основополагающие понятия политического дискурса и речевой манипуляции. Одним из механизмов речевой манипуляции

в политическом дискурсе является механизм воздействия на устойчивые формы сознания. Такое воздействие происходит, когда адресант может апеллировать к стереотипам слушателя. Именно на этом основана техника речевого манипулирования в сфере политического дискурса, таким образом, речевое манипулирование формирует у целевой аудитории определенные стереотипы и предпочтения, выгодные адресанту.

Следовательно, цель использования речевого манипулирования в политическом дискурсе заключается во внушении адресатам идеи о том, что решение принимается адресатом самостоятельно, поскольку является собственным решением слушателя. Поэтому речевое воздействие в политическом дискурсе является необходимым рычагом, с помощью которого можно манипулировать поведением, мышлением и сознанием массовой аудитории, а манипуляция направлена на изменение поведения реципиента.

Вышеизложенное позволяет прийти к выводу, что коммуникативная стратегия манипуляции находит широкое распространение в современном политическом дискурсе, поскольку эффективно решает задачи скрытого навязывания мнения говорящего собеседнику [14; 21].

Характерной особенностью английского политического дискурса является языковая манипуляция, представляющая собой целостное речевое действие, направленное к массовому адресату с целью завоевания и удержания власти. Тщательно подобранные языковые единицы, употребляемые политиками в публичных выступлениях, в комбинации с социальными факторами могут служить мощным инструментом для управления общественным мнением, т.е. манипуляции. Главной задачей манипуляторов является стереотипизация социально-политической действительности посредством языка. Можно констатировать, что манипуляция занимает особое место в английском политическом дискурсе, соответственно, публичные выступления политиков практически всегда создаются с учетом конечной цели: повлиять на сознание людей с помощью продуманных и проверенных техник, а именно – лингвистического инструментария [12].

Список литературы

1. Геворгян М.В. Актуализация тактики манипуляции лексикой в массмедийном политическом дискурсе / М.В. Геворгян // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 76-78.
2. Залавина Т.Ю. Семантическая структура глагольных фразеологизмов, содержащих концепт «ПОРИЦАНИЕ» (на материале французского языка) // Вестник Костромского государственного университета. 2005. Т. 11. № 12. С. 106-109.
3. Захарова В.А. Средства актуализации мишени манипуляции «страх» в политическом дискурсе / В.А. Захарова // Система ценностей современного общества. Изд.-во: "ЦРНС", Новосибирск. 2009. № 5-1.С. 102-107.

4. Захарова В.А. Средства актуализации мишени манипуляции «страх» в политическом дискурсе / В.А. Захарова // Система ценностей современного общества. Изд.-во: "ЦРНС", Новосибирск. 2009. № 5-1. С. 102-107.
5. Зеркина Н. Н., Костина Н. Н. Зарождение и становление парламентского вокабуляра // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления Материалы Международной научной конференции; «Уральский государственный педагогический университет». 2014. С. 126-128.
6. Зеркина Н.Н. Лексико-фразеологическая репрезентация концепта цвет кожи в английском языке // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 135-136.
7. Зеркина Н.Н. Реализация образно-эмоционального компонента концепта «права человека» в английском языке// Язык и культура в эпоху глобализации Сборник научных трудов по материалам Первой международной научной конференции: в 2-х томах. Санкт-Петербургский государственный экономический университет. 2013. С. 102-107.
8. Ильичева Ю.А. Речевое манипулирование в политическом тексте / Ю.А. Ильичева // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2013. Вып. 4. С. 172-184.
9. Колмогорова А. В., Калинин А. А., Талдыкина Ю. А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации / А. В. Колмогорова, А. А. Калинин, Ю. А. Талдыкина // Политическая лингвистика. 2016. № 4 (58). С.194-199.
10. Кривоногов А.В. Речевое воздействие и манипулирование как феномен политического дискурса / А.В. Кривоногов // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах: материалы 3-й международной научной конференции (23 марта 2016 г.). – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2016. – С. 111-114.
11. Мухортов Д.С., Краснова А.В. Дискурсивные маркеры манипуляции как реализация субъективно-оценочного акта говорящего / Д.С. Мухортов, А.В. Краснова // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С.120-125.
12. Парастаев Г.Н. Проблема манипуляции в политическом дискурсе (на примере публичных выступлений политических деятелей США / Г.Н. Парастаев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-manipulyatsii-v-amerikanskom-politicheskom-diskurse-na-primere-publichnyh-vystupleniy-politicheskikh-deyateley-ssha> (дата обращения 09.010.2017)
13. Плохинова А.С., Лапинская И.П. Языковые манипуляции / А.С. Плохинова, И.П. Лапинская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tpl1999.narod.ru/WEB,LSE2002/PLOKHINOVALAPINSKAYALSE2002.HTM> (дата обращения 21.01.2017).
14. Полякова Л.С. Коммуникативное воздействие эмоционально-оценочной политической номинации в синхроническом аспекте // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2011. № 2. С. 115-118.

15. Полякова Л.С. Понятие «речевое поведение» теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 44-47.
16. Полякова Л.С. Речевое воздействие: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 118-121.
17. Полякова Л.С. Теоретические подходы к определению понятия «дискурс» // Язык. Текст. Дискурс. 2009. №7. С. 87-91.
18. Савельева И.В. Манипулятивность в обыденном политическом дискурсе / И.В. Савельева // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64). Т. 4. С. 216–220.
19. Сагайдачная Е.Н. Манипуляция в политическом дискурсе / Е.Н. Сагайдачная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lib.csu.ru/vch/100/116.pdf> (дата обращения 21.01.2014).
20. Санжеева Л.Ц., Очиров Т.Е. Манипулятивная функция политических реалий в публицистическом дискурсе / Л.Ц. Санжеева, Т.Е. Очиров // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2017. Вып. 2. С. 35-41.
21. Соловьева Е.В. Коммуникативная стратегия манипуляции в современном немецком политическом дискурсе (на примере речевого акта возмущения) / Е.В. Соловьева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 2 (2). С. 403-406.
22. Суворова Е.В. Процессы инференции в номинации фразеологизмов // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т. 2. № 1. С. 272-275.
23. Суворова Е.В. Теоретические проблемы инференции // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 23. С. 176-180.
24. Тибунько Н.Д. Манипуляция в политическом дискурсе / Н.Д. Тибунько // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 3 (218). Филология. Искусствоведение. Вып. 50. С. 134–137.
25. Южакова Ю.В. Имплицитное выражение негативной оценки как проявление толерантности // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе. Материалы X Международной научно-практической конференции. 2007. С. 109-111.
26. Южакова Ю.В. Композиционные особенности медиатекста, актуализирующие принцип толерантности // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Ульяновский государственный университет. 2008. С. 403-405.
27. Южакова Ю.В. Толерантность как языковая категория // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2006. № 6. С. 186-194.
28. Zalavina T., Kisel O. "Blame" Concept in Phraseology: Cognitive-Semantic Aspect (Based on the French Language). IJESE. 2016. Vol. 11, N 17. Pp. 9693-9703.

29. Zalavina T.Y., Dyorina N.V. National-Cultural Semantics Reflection of French Proverbs. In: Proceedings of the 14th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna, 2017. Pp.10-13.
30. Zerkina N.N. A cognitive approach to phraseological antonymy. “false” antonyms in the group of phraseological units with adjectives black, white, red// Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С.441-443.
31. Zerkina N.N., Kostina N.N. Concept of human rights as a part of social and political processes//Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С.212-214.
32. Zerkina N.N., Lomakina E.A., Kostina N.N. Axiological Linguistics and Foreign Language Teaching// Procedia - Social and Behavioral Sciences. 2015. Т. 199. С.254-260.
33. Trump – Russia dossier: why its findings grow more significant by the day [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com>) (дата обращения 7 октября 2017).

ПРОЦЕССЫ ИНФЕРЕНЦИИ В ДИСКУРСЕ

*Суворова Елена Владимировна,
кандидат педагогических наук,
МГТУ им. Г.И. Носова
Савинова Юлия Анатольевна,
кандидат педагогических наук,
МГТУ им. Г.И. Носова*

Inference in Discourse

*Elena V. Suvorova,
Yuliya A. Savinova*

Введение

После революционного переворота в лингвистике, связанного с совершенно новой парадигмой исследований, внимание лингвистов было обращено на такие требующие более глубокого и междисциплинарного понимания вопросы, как связь между когнитивной обработкой высказывания/текста и структурами знаний, проблемами выводных знаний и доступа к ментальному лексикону, картирования и объединения ментальных пространств с последующим получением выводной информации [11, с. 372; 12, с. 106; 37, с. 9396; 38, с. 11]. Подобные работы были направлены на изучение природы человеческой речи, механизмов, обеспечивающих ее осуществление и понимание, а также внешних и внутренних факторов, влияющих на общий речевой процесс. Такой переход предполагал изучение речи в ее естественном состоянии – динамике, а поскольку живая речь изучается, как правило, в фиксированном виде, объектом изучения становился дискурс, как искусственный аналог речи. В данной работе представлено исследование инференции, как операционного процесса, действующего в ходе восприятия дискурса. В качестве исследуемого материала был использован дискурс, понимание которого осложнено фразеологизмом [14].

Существуют работы по теории дискурса, в которых инференция рассматривается и как формальная дедукция, и как вероятностная индукция [21], а также работы, анализирующие неинформативные риторические высказывания (идиомы, авторские метафоры, фразовые штампы и клише), воспринимаемые в рамках формальной логики [6]. Такое понимание инференции закономерно, если ее отождествлять с общим пониманием логики умозаключений. Тем не менее, необходимо различать понятия: инференция, импликатура, силлогизм, пресуппозиция, полагая, что данные дефиниции синонимичны, но при этом не тождественны. Каждое из них занимает свой сегмент в спектре естественно-логических умозаключений, следовательно, они не должны дублировать или подменять друг друга. Среди приведенных выше понятий инференция определяет естественную логику мышления, поэтому

понятие инференция не следует использовать для определения формально-логических умозаключений хотя бы потому, что для таких умозаключений существует свое понятие – силлогизм. Под инференцией (от англ. infer – «выводить, заключать») мы понимаем естественно-логический процесс\ результат получения выводных данных в ходе когнитивной обработки информации с опорой на фоновые социокультурные знания, ситуационный контекст, предшествующий жизненный опыт, личностную эмоционально-оценочную характеристику интерпретируемых данных, интуицию, догадку и гипотетические суждения.

Другим ключевым понятием данной работы стал дискурс. Существует множество работ, исследующих дискурс, его категории и способы функционирования в речи (М.Л. Макаров, В.И. Карасик, Д. Шифрин, П. Серио и др.) В общем объеме исследований дискурса важно выделить те моменты, которые позволяют охарактеризовать языковую среду, исследуемую на предмет действия инференции. Итак, дискурс – «связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания [18]. Согласно теории М. Фуко, дискурс – это «контактирующая поверхность, сближающая язык и реальность, смешивающая язык и опыт [24, с. 163]. Данное определение позволяет не уходить в область языка или речи, но включить исследуемый объект (инференцию) в реальность, опыт или текущую ситуацию; дискурс становится речью «погруженной в жизнь», основным признаком которой становится контекст – ситуация общения. В этом случае основным отличием дискурса оказываются такие характеристики как процессуальность, ситуативность, событийность, относительная завершенность (в смысловом и структурном отношении), наличие экстралингвистического плана.

1. Проблема инференции: история развития взглядов

История разработки и исследования проблемы инференции на первый взгляд могла бы показаться довольно короткой, что связано, во-первых, со спецификой данного явления, а во-вторых, с тем, как развивалась лингвистическая наука. Понимание сути инференции тесно связано с проникновением в глубину когнитивных, часто бессознательных, не поддающихся эмпирическому наблюдению, механизмов речевосприятия и речепроизводства, что было совершенно чуждо и непонятно исследователям-лингвистам на ранних этапах становления языкознания. Тем не менее, начало изучению логики высказывания было положено уже в период расцвета древнегреческой науки. В своем труде «Органон» Аристотель вывел три закона формальной логики: закон тождества, закон противоречия и закон исключения третьего. Данные законы представляли собой дедуктивную модель рассуждения, применяемую для ведения научных споров. Считалось, что

использование силлогизмов в речи способствовало ее доказательности и правильному восприятию [2].

В современной лингвистической науке можно встретить ряд работ, в основу которых положена дедуктивная логика, но эти исследования немногочисленны и отличаются спецификой исследуемого лингвистического материала. В частности, в работе Т.Е. Водоватовой речь идет о клишированных речевых высказываниях, непосредственно построенных на использовании названных выше лингвистических законах [6]. В этой связи важно отметить, что формулируя законы формальной логики, Аристотель не делал попытки раскрыть суть механизмов человеческого мышления, ему важно определить ход вытекающих друг из друга рассуждений, формирующих доказательство того или иного аргумента.

С появлением сначала сравнительного, а затем структурного языкознания, проблема инференции отошла далеко на второй план. В свете исследований тех лет отход от непосредственно языковых явлений считался псевдонаучным или экстралингвистическим, т.е. не входящим в сферу научных исследований лингвистики того времени. И только когда на смену структурализму пришли вопросы построения и восприятия высказывания, проблема выводных знаний вновь стала приобретать научную значимость.

В начале 20 века произошел переход от сравнительного описания языков к изучению общих свойств знаковых систем. Возникло новое направление в языкознании – семиотика. Один из основателей семиотики, Ч. Моррис, выделил в рамках семиотики три важнейших направления: семантику, прагматику и синтактику. В каждом из этих направлений прямо или косвенно затрагивались проблемы, связанные с изучением механизмов выводного знания [15, с.142; 16]. В прагматике с появлением семантической концепции П. Грайса были впервые сформулированы такие понятия как импликатура (вывод) и имплицитум (то, что выводится). Имплицитурой П. Грайс разделял на разговорную и конвенциональную. Конвенциональная импликатура предполагала формальный вывод, не влияющий на истинность или ложность высказывания ср. *All Englishmen are brave. He is an Englishman. Thus, he is brave.* Под разговорной имплицитурой П. Грайс понимал определенную часть содержания высказывания, выводимую из контекста и принципов кооперации, которые П. Грайс называл максимами. В своих исследованиях П. Грайс обратил внимание на то, что человеческая речь строится по негласным принципам, нарушение которых может быть только намеренным, с целью вложить в высказывание дополнительную скрытую информацию, подлежащую выведению слушающим ср. *She is a "fine" friend* [26]. Отмечая, что естественная и формальная логики могут находиться в конфликте друг с другом, и механизмы формальной логики не всегда применимы к их естественным аналогам, П. Грайс, тем не менее, описывал процесс инференции именно с опорой на формальную логику [30].

Еще одной теорией послужившей дальнейшему исследованию дискурса, а вместе с ним и проблемы выводных знаний, стала модель ситуативного восприятия текста Т.А. ван Дейка и В. Кинча. Модель Т.А. ван Дейка и В.

Кинча представляла собой переход от поверхностного анализа текста к более глубокому, основанному на макро и микро пропозициях. Под пропозиционными репрезентациями понимались ментальные представления, конструируемые на основе значимых слов и семантических структур предложений. В качестве основного типа репрезентации знаний Т.А. ван Дейк и В. Кинч выделяли «модель ситуации», в основе которой лежат личностные знания носителей языка, аккумулирующие их предшествующий опыт, установки и намерения, чувства и эмоции. Таким образом, наметилась связь между воспринимаемым текстом и его индивидуальной трактовкой, включающей личностные знания, ценности, эмоции, установки, переводящие текст из грамматически связанного набора слов в живую материю смысла [8; 29].

Важный вклад в разработку проблемы инференции внесла прагматическая теория Д. Шпербера и Д. Уилсона. Авторы теории описывали процесс инференции на примере декодирования стимула, в ходе которого концепты вычлняются, сводятся к схеме допущения, а затем выбирается релевантная гипотеза. Таким образом, они объясняли действие дедуктивных правил речемышления, которые они считали отличными от традиционных формально-логических правил вывода [25].

В этот момент развития взглядов на проблему инференции стало очевидно, что традиционный логический подход к трактовке умозаключений меняется. Если ранее, высказывание со скрытым смыслом считалось не соответствующим языковой норме и поэтому не рассматривалось, то в этот период появляются первые попытки заглянуть за пределы явно выраженного смысла и понять логику построения того, что скрыто. Прагматики обратили свой взгляд на когнитивные процессы, лежащие в основе нашего восприятия и сделали первые попытки заменить формальную логику дедуктивными правилами речемышления, пропозиционными репрезентациями, возникающими из ключевых смыслов, таким образом, входя в сферу того, что считалось экстралингвистическим. Важнейшим моментом стало обращение к эмоциям, ценностным оценкам, личностным знаниям и т.п., которые стали учитываться при объяснении механизмов восприятия смыслов высказывания или текста. Процесс инференции стал рассматриваться как точка восприятия высказывания, в которой происходит пересечение когнитивных, эмоциональных, чувственных переживаний, влияющих на интерпретацию высказывания.

В семантике основной акцент был сделан на содержательной стороне языковых единиц разных уровней. В отличие от прагматики основным объектом изучения семантики стал речевой акт. Очень много было сделано для понимания речемыслительного процесса: теория семантических значений Г. Фреге, концепция естественных языков Р. Монтагю, метод интенции и экстенции Р. Карнапа, интенциональная логика Л. Г. Ф. Гамута и др.

Обзор данных теорий позволил определить несколько важных моментов, выводящих понимание инференции в новую плоскость исследований. Во-

первых, в основу перечисленных выше концепций были положены два принципа, сформулированных Г. Фреге: 1) референция сложного предложения – это функция референций его составных частей (под референцией понимается то, что любой символ в идеальном языке относится к отдельной неповторимой вещи, а каждая вещь будет отнесена к отдельному неповторимому символу); 2) смысл сложного предложения – функция смыслов его составных частей [23]. Во-вторых, впервые был поднят вопрос о том, какую роль в восприятии высказывания играют пресуппозиции. Под пресуппозицией понимался общий фонд знаний коммуникантов, выступающий условием истинности текста. Действительно, понимание основывается на знании предмета высказывания, т.е. того, о чем идет речь. Референция может способствовать такому пониманию, но только в случае с высказываниями, имеющими ясно выраженный смысл. Что касается двусмысленных высказываний, то здесь мы часто имеем дело с метафорическим или метонимическим переносом - ср. *Robert is a bulldozer*; *Ты мое солнышко*, когда прямая референция к объекту оказывается мало пригодной для восприятия.

Еще одним ключевым понятием стала пропозиция. Р. Карнап отводит пропозиции место объективной, не ментальной, экстралингвистической сущности, для определения которой требуются дополнительные фактические знания [32], Б. Рассел и К.С. Левис понимают под пропозицией психологическое и физиологическое существование сложных образов, ожиданий и т.п. [34]. Л.Т.Ф. Гамут определяет пропозицию как «что-то подобное концептуальному содержанию выражения» и описывает ее как функцию, которая приписывает конкретному предложению значение истинности в определенном контексте [33]. Другими словами, в отличие от прагматики, в рамках которой пропозиция трактуется как утверждение, имеющее аргумент и предикат, семантика рассматривает пропозицию 1) как концептуальное содержание, указывающее на истинность высказывания в определенном контексте; 2) как непосредственно указываемую объективную, экстралингвистическую сущность.

Отвечая на главный вопрос о том, что лежит в основе процессов инференции, семантика указывает на действие законов формальной логики. К примеру, один из законов, сформулированных Г. Фреге относительно логики высказывания гласит: «Если *b* есть достаточное условие для *a*, если *c* есть достаточное условие для *b*, то *c* есть достаточное условие для *a*» [23]. Т.е. если предпосылки являются истинными, то смысл высказывания также является истинным. Однако признание предпосылок истинными не предполагает признания истинности вывода, т.к. легко можно представить ситуацию, в которой все предпосылки истинны, а вывод ложен – ср. *Если все лошади – млекопитающие и все лошади травоядные, то все млекопитающие травоядные* [23]. Тем более, что впоследствии, Г. Фреге сам соглашался с тем, что «логике нет дела до смысла», ей управляют законы в области значений, которые лишь опосредованно относятся к смыслу [23, с.25]. Строя свою теорию на законах логики, он изначально укладывал ее в прокрустово ложе, поскольку

предложенная им логика позволяла интерпретировать исключительно недвусмысленные декларативные высказывания.

Критикуя теорию семантических значений Г. Фреге, Л.Т. Ф. Гамут считал, что простой перенос семантики стандартной логики на семантику языка невозможен. Он разработал интенциональную логику, в основе которой лежит контекстуальная зависимость и множественная референция. Согласно данной логике процесс интерпретации основывается на разделении между интенционалом («чем-то подобным концептуальному содержанию выражения») и экстенсионалом («тем, что иллюстрирует это концептуальное содержание»). Функция интенционала позволяет найти референцию для выражения в каждом конкретном контексте и при определенных обстоятельствах. К примеру, интенционал выражения *президент США* – это функция, которая приписывается каждому конкретному лицу, занимающему пост президента в это время. Какие аспекты контекста следует принимать во внимание - будет зависеть от намеренной интерпретации оператора. Это означает замену простой пропозиционной логики, в которой формулы получают значения абсолютной истинности, на систему, в которой функции оценки приписывают значения истинности только относительно контекста [33]. В этом виден постепенный отход от стандартной логики и поиск решения проблемы инференции с опорой на мыслительные процессы, зависящие от интерпретации высказывания слушающим. Тем не менее, связь между физическими объектами и смыслами высказывания рассматривается как прямая. Отсутствует понимание того, что в процессе инференции человек преобразует воспринимаемое высказывание относительно своего собственного личного опыта и знаний, а не только относительно контекста.

Итак, рассмотренные выше концепции позволяют сделать вывод, что стандартная логика не может объяснить механизмы инференции, действующие при восприятии имплицитных смыслов в силу того, что, во-первых, может использоваться для интерпретации лишь буквальных, логически выстроенных высказываний, а значение истинности, как основное логическое понятие присваиваемое высказыванию, часто противоречит здравому смыслу.

Важным, но косвенным является понимание референции, т.к. слова в высказывании могут иметь референцию, не имеющую значения для закладываемого в высказывание имплицитного смысла (как в случае с образными высказываниями ср. “*You are the cream in my coffee!*”; *Ты свет очей моих!*»). Принцип композиционности, предполагающий сложение смыслов на основе сложения функций референций составных частей, следует понимать не как простое сложение смыслов, а как выведение из них третьего смысла, являющегося условно истинным для данного предложения. «Условно истинное» предполагает, что вывод, который не основывается на приведенных данных, не может считаться логически истинным.

Революционный переход от семантики и прагматики к совершенно новой парадигме знаний был связан, прежде всего, с появлением исследований, выполненных на стыке психологии, физиологии, нейрологии, физики и т.п., и

закладающих основу для появления таких наук, как когнитивная лингвистика, психолингвистика, когнитивная семантика, нейролингвистика, биолингвистика и т.п. Теории, опирающиеся на данные психологических, нейрофизиологических, биологических исследований, позволили по-новому взглянуть, в том числе, и на проблему инференции. Опосредованная человеком связь между языком и миром, метафоричность человеческого мышления, принципы концептуализации и категоризации заставили по-новому рассматривать высказывания со скрытым прагматическим смыслом. Такие высказывания уже не считались исключением из правил, но рассматривались с особой тщательностью, т.к. позволяли увидеть мыслительные процессы в действии. Значение структурированных энциклопедических и личностных знаний, а также эмоций, оценок и чувственного восприятия стало играть большую роль при анализе работы механизмов когнитивной обработки высказывания.

В когнитивной лингвистике, а также психолингвистике проблема инференции нашла свое отражение в целом ряде исследований, проводимых Н.Н. Болдыревым, М. Джонсоном, А.А. Залевской, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакофом, М. Тернером, Ж.Фоконье и др. С позиций этих исследований выдвигались разные гипотезы по поводу природы процесса инференции (Г.Рикхайдт, Х. Стронер), связи инференции с используемыми видами знаний (Л. Кларк, Т.В. Дроздова), зависимости выводных знаний от контекста (Л.Кларк, А. Граесер). Выдвигались теории, которые строились на том, что получение выводных знаний происходит в результате соединения концептуальных структур, продуцирующих новое знание, не представленное в исходных концептуальных структурах (Ж. Фоконье, М. Тернер, Р. Гиббс, Н.Наяк, П. Джонсон-Лэрд). В рамках когнитивной лингвистики было доказано, что информационный вывод часто зависит от использования периферийных данных при картировании, наложении ментальных пространств в процессе когнитивной обработки. Действие инференционных процессов с точки зрения концептуальной интеграции схематично можно увидеть на примере приводимого ранее высказывания *You are the cream in my coffee*. Согласно ряду теорий (Ж. Фоконье, М. Тернера, Дж. Лакофа, Р. Гиббса, Н.П. Наяка и др.) восприятие данного высказывания осуществляется с помощью трех когнитивных операций: идентификации, интеграции и воображения, которые способствуют распознаванию значений слов, входящих в состав высказывания [28].

В процессе когнитивной обработки создается два исходных ментальных пространства: источник – *cream in the coffee* и цель – *human being*, которые связаны друг с другом через проекции типа концептуальной метафоры, концептуальной метонимии или схематической индукции, позволяющие соединить объекты из разных концептуальных областей. Домены или ментальные пространства включают элементы, репрезентируемые группами существительных, которые могут быть либо объектами, конструируемыми *on-line*, либо уже существующими объектами в концептуальной системе.

Например, ментальное пространство *cream in my coffee* обладает следующими компонентами: *наивысшее удовольствие, радость от осязания*, ментальное пространство *human being* указывает на конкретного человека. Элементы из пространства-источника накладываются на пространство-цель, образуя общее пространство (a generic space), которое объединяет общую для всех пространств информацию. В ходе дальнейшей когнитивной обработки информация приобретает эмергентную структуру бленда, не будучи заимствованной напрямую из исходных ментальных пространств, но возникая тремя способами: через создание проекций исходных ментальных пространств, через привлечение дополнительных фреймов или сценариев, а также через расширение (elaboration). Несмотря на убедительную логику выстраиваемой выше модели восприятия высказывания, не достаточно аргументированным остается утверждение, что эмергентная структура бленда не заимствует напрямую информацию из исходных ментальных пространств. Также остается неясным механизм создания проекций исходных ментальных пространств, закономерность привлечения фреймов и сценариев, механизмов проводимого когнитивного расширения структуры бленда. Очевидно, что в ходе создания бленда в основе проводимых когнитивных операций лежат процессы инференции.

2. Современные направления в исследовании инференции

Совершенно новый, когнитивный подход к пониманию языка, трактовке языковых явлений, оценке роли языковой личности в процессах формирования и изменения языка, способствовал кардинальному изменению взглядов на проблему инференции. Были поставлены новые вопросы относительно природы инференции, ее ментальной репрезентации, видов выводного знания, связи выводного знания с ментальным лексиконом и доступа к нему в момент вывода, зависимости вывода от ситуации (контекста) и т.п. Чем дальше лингвистика уходила в сторону решения лингвистических проблем через призму участия в них языковой личности, тем чаще затрагивалась проблема инференции, и тем более разно векторным становился поиск путей решения проблемы получения выводных знаний. Процессы инференции рассматривались применительно к языковому уровню, на котором осуществляется инференция, виду и уровню ментальной переработки информации, типу дискурса, типу выводимых семантических отношений и т.п.

В данной работе рассматриваются исследования, проводимые на материале разного языкового уровня – морфем, слов, словосочетаний, предложений и текста. Е.С. Кубрякова выделила три направления в освящении проблемы инференции на морфемном и словообразовательном уровне. Первое направление касалось исследований совместной встречаемости однокорневых образований в тексте. Речь идет об отглагольных или отадъективных именах. Если данные имена встречаются без поддержки исходными словами, их понимание основано на знании лексического значения соответствующей

единицы, в противном случае обработка информации происходит на основе инференции, когда употребление однокоренного слова накладывает отпечаток на понимание последующих однокоренных слов. Ср. *Вчера они ссорились из-за пустяков. Из-за ссоры они не пошли в кино.* Вывод – они не пошли в кино, потому что вчера ссорились из-за пустяков.

Второе направление было связано с исследованием стратегий распознавания имплицитных значений отглагольных образований, определяемых в процессе особого семантического вывода из составляющих словообразовательных конструкций. Если в составе производного слова наличествует предикат (в виде основы глагола или прилагательного), то для умозаключения о содержании единицы нужно восстановить аргументы к глаголу (ср. прыжок – с парашютом).

Третье направление – это исследование регулярной полисемии у производных разных частей речи, для каждого из которых представляется возможным предсказать ту цепочку значений, отправное звено в которой образуется благодаря прототипическому значению имеющегося в его составе суффикса. Все прочие значения оказываются ничем иным как развитием этого исходного значения по принципу фамильного сходства. Например, однокоренные слова «дорога» и «дорожный». По принципу фамильного сходства в слове «дорожный» выводятся следующие значения: относящийся к дороге - *дорожное покрытие*; используемый в дороге - *дорожный плащ*, типичный для дороги - *дорожный шум, дорожная пыль* и т.п. [14; 28].

К четвертому направлению исследований инференции на морфемном и словообразовательном уровне можно отнести исследования, проведенные Л.В. Бабиной. Изучая процессы концептуальной интеграции при формировании семантики производной глагольной единицы, Л.В. Бабина рассматривала инференцию как необходимый инструмент выведения значения производного слова из мотивирующей основы и словообразовательного форманта, где мотивирующая основа выступала «в качестве своего рода «маленького контекста», в котором аккумулируются знания, необходимые для выведения значения производного слова [3].

На уровне фраз и предложений процессы инференции часто рассматривались с противоположных позиций. В частности, Т.Е. Водоватова связывала процессы кодирования и декодирования идиом с построением силлогизмов, объединенных причинно-следственной связью, на основе которых делался вывод о содержании высказывания [6]. Логический подход Т.Е. Водоватовой не характерен для общего направления исследований инференции на материале фразеологизмов. Большинство работ, в которых делалась попытка изучить природу человеческого мышления и, в том числе, природу получения выводных знаний через анализ образной речи, строилось на том, что человеческое мышление по своей природе метафорично и носит креативный характер (Н. Хомский, О.К. Ирисханова, Дж. Лакоф, М. Джонсон). Изучая психологию инференции (*psychology of inference*), связь между воображением и поэтической метафорой, Р. Гиббс, П.Н. Джонсон-Лэрд, Н. Мэтлок, Н. Наяк и

др. считали, что восприятие идиом происходит за счет распознавания лежащих в их основе когнитивных метафор, компонентами которых служат «примитивные» метафоры (primitive metaphors). Поэтому процесс инференции строится не на силлогизмах, а на когнитивном метафорическом мышлении, использующем обоюдные для говорящего и слушающего знания (mutual knowledge) [29].

Исследования инференции на уровне текстов (в т. ч. рекламных текстов) позволили увидеть в процессе инференции двусторонний характер. Если в процессе речепроизводства происходит имплицирование информации или закладка смысла, то в процессе речевосприятия происходит обратный процесс получения вывода о смысле сказанного. Удалось доказать, что процессы имплицирования vs инференции взаимосвязаны и объединены когнитивно-коммуникативным механизмом, обеспечивающим инвариантность понимания говорящим и слушающим. В то же время в основе получения выводной информации лежат операции с различными типами знаний и, следовательно, со структурами их представления (пропозицией, фреймом, концептуальной метафорой), а основными когнитивными механизмами формирования инферентных смыслов на базе имплицатур рекламных текстов являются сравнение, с последующей оценочной категоризацией, и концептуальная метафора [22].

На материале научных экономических текстов исследовались возможности получения и интеграции знаний при восприятии текстового материала, доступа к энциклопедическим знаниям. В частности, делалась попытка соотнести определенный тип знания с конкретной формой инференции, однако выявить такую связь оказалось невозможно [9].

Исследовалось объединенное влияние текстовых (text-based) и индивидуальных (reader-based) факторов на получение выводных знаний при восприятии текста. Основным выводом исследования стало то, что в процессе восприятия текста взаимодействуют два типа инференции: интегративный (integrative), соединяющий части текста, и расширенный (elaborative), обогащающий текстовую информацию дополнительными деталями. При этом интегративная инференция во многом зависит от влияния анафорических существительных/местоимений и каузальной структуры текста, а расширенная – от наличия новых аргументов, активирующих релевантные фоновые знания. Проводились эксперименты по слежению за движением глаз в момент восприятия высказывания, показавшие, что «существует определенный временной промежуток между семантической обработкой и инициацией прагматической инференции», что, по мнению Ю. Тинг Хуана, доказывало первичность и разделение семантической обработки от получения прагматических инференций. При этом способность порождать прагматическую инференцию появлялась в реальном времени обработки высказывания [36].

Извлечение имплицитных смыслов изучалось также на материале художественных произведений. Анализировались механизмы декодирования

текста и извлечения выводного знания на основании ключевых слов и пресуппозиций, имеющих в сознании читателя [5].

3. Процесс двойной инференции при восприятии сложных номинативных конструкций (фразеологизмов) в дискурсе

Обзор современных работ, проводимых в области инференции позволил выделить два общих направления: исследование действия механизма инференции в номинации, в качестве «механизма семантического вывода» (Е.С. Кубрякова, Л.В. Бабина и др.), и действия механизма инференции при восприятии скрытых смыслов в речи (А.В. Прохоров, Г. Рикхайдт, Р. Гиббс и др.). Как показывают эксперименты, возможно последовательное осуществление этих процессов при понимании сложных номинативных конструкций в речи и тексте. В качестве таких конструкций могут выступать фразеологизмы, понимание которых осложнено, с одной стороны, лежащим в их основе переосмыслением ситуации на основе ее первичного значения, а с другой стороны – скрытыми смыслами, заложенными в употребление данного фразеологизма в дискурсе, мотивированностью внутреннего образа и экспрессивностью [15]. При восприятии фразеологизма в дискурсе происходит двойное инферирование, т.е. сначала выводится скрытый смысл, заложенный непосредственно в значение фразеологизма, а затем выводится общий смысл сказанного.

Явление двойного инферирования вызвано тем, что системное, конвенциональное значение фразеологизма часто используется неполно или в его употребление вкладывается дополнительный смысл, что вызывает двойственность восприятия и провоцирует повторное переосмысление значения фразеологизма, как наиболее яркого и требующего более длительной мыслительной обработки компонента высказывания относительно всего отрезка речи. К примеру, в отрывке из рассказа А.П. Чехова «Хамелеон» ... *А может быть, и генеральская ... - думает вслух городской. – На морде у ней не написано...* фразеологизм *на морде (лице) не написано* несет помимо конвенционального смысла **видно, понятно с первого взгляда**, дополнительный, скрытый смысл, понятный исключительно из контекста – **я не знаю, чья это собака и боюсь в этом ошибиться**. Английский фразеологизм “a decoy duck” означает “приманка, ловушка». В тексте *Carter’s mission in Cuba hadn’t been properly fulfilled and yet he stayed on, as a marksman or perhaps as a decoy duck* английский фразеологизм “a decoy duck” приобретает дополнительный оттенок - **человек, устраивающий для других ловушку**.

Обращаясь к проблеме номинации фразеологизмов, необходимо отметить, что фразеологизм, как единица речи, осложненная метафорическим или метонимическим переосмыслением первичного наименования, уже несет в себе выводное знание.

Чтобы попытаться объяснить присутствие в косвенной номинации выводного знания [17], рассмотрим несколько исследований, в которых

рассматривается процесс преобразования первичной номинации в косвенную. В частности, в ряде своих работ Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых обуславливают когнитивно-дискурсивную сущность фраземы особым способом образного перекодирования замысла, основой которого служит когнитивная метафора, переводящая прямо-номинативное именование денотативной ситуации в косвенно-производное [1]. К сожалению, Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых не объясняют механизм работы когнитивной метафоры, ограничиваясь тем, что, если при прямо номинативном означивании внутренняя речь служит механизмом, превращающим внутренние субъективные смыслы в систему внешних развернутых речевых значений, то при косвенной номинации внутренняя речь призвана перевести предметно-чувственные образы из линейно представленных фрагментов речевого сознания в целостную структуру сознания дискурсивного или УПК. Вслед за Н.И. Жинкиным Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых понимают под УПК схематично-наглядный код, слуховые или зрительные образы, вторичные образы и схемы, коммутирующие все приемные сенсорные каналы с каналом словесной коммуникации». Действительно, занимаясь вопросами порождения речи, Н.И. Жинкин экспериментально доказал, что внутренняя речь должна иметь вид универсального предметно-изобразительного кода, который не является произносимым, в нем отсутствуют материальные признаки слов натурального языка, последовательности знаков, а есть изображения, которые могут образовывать цепь или группировку [10]. Скорее всего, изображения, о которых говорил Н.И. Жинкин – это те образы, которые сознательно или бессознательно сопровождают любой процесс речепроизводства, лежат за языковым значением и могут быть картинными, иероглифическими, кинетическими или метаязыковыми [7]. Тем не менее, любой образ – это продукт умозаключения, он появляется в ответ на вызвавшую его ситуацию и является ее ментальной проекцией. Подтверждением такому доводу могут послужить исследования, проводимые Дж. Лакоффом, Ж.Фоконье, М. Тернером, Р. Гиббсом и др., в которых раскрываются принципы когнитивного мышления: описывается процесс формирования ментальных пространств с их последующей когнитивной обработкой и получением выводной информации. Возвращаясь к упоминаемому выше образному мышлению, Ж.Фоконье и М. Тернер в своих работах прямо не указывают на наличие образов при создании и ментальных пространств, они говорят о воображении, как одной из трех операций, лежащих в основе каждого значения, что косвенно подтверждает наличие образной составляющей при формировании бленда.

Как и теория Н.Ф. Алефиренко и Л.Г. Золотых, концептуально-метафорическая теория Р. Гиббса также строится на интерпретации поверхностных языковых конструкций с помощью глубинных механизмов мышления, «концептуальных метафор», собранных, в свою очередь, из схожих примитивных метафор. Р. Гиббс считает, что идиомы не следует относить к «мертвым» метафорам, они обладают сложным значением, которое мотивировано независимыми концептуальными метафорами, частично

наполняющими наше повседневное мышление. Приводя в качестве примера идиомы *blow your stack, flip your lid, hit the ceiling*, Р. Гиббс утверждает, что в отличие от необразной речи, идиомы обладают сложной семантической конфигурацией, мотивированной концептуальными метафорами *Mind is a container* и *Anger is heated fluid in a container*, представляющими собой домен-источник и домен-цель. Метафорическое наложение структуры знаний домена-источника на структуру-знаний домена-цели позволяет получить более конкретное понимание идиомы [29]. Таким образом, структура знаний домена-цели представляет собой выводное знание и является результатом операционного процесса инференции.

Еще одна теория, которая будет рассмотрена в работе, - теория взаимодействия фреймов А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. Теория рассматривает восприятие смысла фразеологизма через призму стоящих за ним фреймов знаний и выполнения над ними определенных когнитивных процедур. Важным постулатом теории А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского становится вывод о том, что 1) при актуализации мотивированной идиомы (в нашем случае фразеологизма) перед мысленным взором говорящего возникают независимые от актуального значения квази визуальные образы; 2) за каждой мотивированной идиомой лежат квази визуальные представления, несущие новые знания, выводимые (в отличие от теории Ж.Фоконье и М. Тернера) из исходной концептуальной структуры, и позволяющие осуществлять семантическую дифференциацию внутри поля этой когнитивной структуры. Под квази визуальными образами А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский понимают отвлеченные образы независимые от значений слов-компонентов, составляющих идиому, а под квази визуальными представлениями – выводные знания [4].

Итак, как мы видим, в основе косвенной номинации лежит процесс инференции, позволяющий выборочно объединить и структурировать концептуальные знания с последующим выведением и закреплением нового смысла за появившейся языковой единицей.

Дискурс, содержащий в себе сложную номинативную единицу (фразеологизм, производное слово, крылатое выражение и т.п.), понимание которой часто осложнено дополнительными смыслами или неточным употреблением, вызывает определенные затруднения в восприятии. Проведенные эксперименты показали, что при предъявлении респондентам ситуации, осложненной наличием фразеологизма, испытуемые сначала обрабатывали значение фразеологизма, а затем полученный вывод частично трансформировали в привязке к общему восприятию текста. При этом в процесс инференции были включены все имеющиеся данные: 1) концептуальные знания, вербализованные во фразеологизме; 2) концептуальные знания, вербализованные другими словами текста; 3) эмоциональная оценка ситуации; 4) окружающая обстановка, в которой находились респонденты. Фоновая среда, в которой оказываются респонденты, оказывает наиболее сильное влияние на оценку и восприятие дискурса,

особенно в тех условиях, когда от реципиентов требуется догадка или собственный вариант развития событий.

Используя теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконые и М. Тернера, теорию взаимодействия фреймов А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского, мы рассмотрели процесс двойного инферирования при восприятии дискурса, осложненного фразеологизмом. В качестве исследуемого материала был взят небольшой текст *«Да хоть ходи на информатику, хоть не ходи – все едино. Плохому танцору всегда ноги мешают»*. Как показали наши исследования, в процессе восприятия фразеологизма *плохому танцору ноги мешают* через метонимическую связь происходит объединение двух ментальных пространств ТАНЕЦ и НОГИ. Каждое из ментальных пространств содержит элементы, имеющие вероятные точки соприкосновения. В первом ментальном пространстве это грация и пластика, во втором – неуклюжие ноги, отсутствие грации и пластики. Элементы, которые высвечиваются в каждом из ментальных пространств, с помощью когнитивных операций, попадают в общий бленд. Воображение связывает информацию из соединенных фреймов, структурирующих ментальные пространства, и делается вывод – *плохое умение танцевать, бесталанность, отсутствие способностей – причина плохо выполненной работы*. Мы полагаем, что эмоции сопровождают весь процесс когнитивной обработки и фразеологизма, и всего высказывания в целом. В нашем случае элемент *отсутствие способностей* может нести отрицательную оценку, которая заимствуется в конечный бленд. Мы также полагаем, что эмоции, как триггер, запускают процесс инференции, влияя на общий ход рассуждений.

Далее вывод *плохое умение, бесталанность, как причина плохо выполненной работы* переходит в новое ментальное пространство ИНФОРМАТИКА. Ментальное пространство ИНФОРМАТИКА несет в себе такие элементы, как *сложность, необходимость обладать высоким уровнем владения компьютером*. В процессе дальнейшей когнитивной обработки происходит последующее слияние элементов, при котором прежнее ментальное пространство не трансформируется, но изменяет свое содержание за счет новых элементов - *отсутствие способностей, бесталанность*, делается вывод: *сложная дисциплина не поддается изучению вследствие отсутствия таланта*. На последнем этапе в процесс когнитивной обработки вновь подключаются эмоции, дается эмоциональная оценка ситуации, а также проводится оценка общей ситуации за счет фоновых знаний. Делается общий вывод: *«Информатика – сложная дисциплина, которая никогда не будет изучена хорошо вследствие отсутствия таланта»*. В данном случае решающую роль в конечном выводе играют эмоции, провоцирующие понимание ситуации как нерешаемой или безысходной.

Заключение

Приведенная в качестве примера модель процесса двойного инферирования при восприятии дискурса, осложненного фразеологизмом, показывает, что, во-первых, происходит повторное переосмысление

фразеологизма, выводится его смысл, в который включено не только общее знание его узувального значения, но и индивидуальное понимание, во-вторых, вывод, к которому приходит слушатель, накладывается на общее восприятие текста. При двойной инференции происходит не только наложение одних концептуальных знаний на другие, но и параллельный ситуативный отсев ненужной информации и выведение на первый план тех знаний (даже находящихся на периферии данного информационного блока), которые поддерживают основной вывод. Поскольку фразеологизм играет ключевую роль в понимании ситуации, общее понимание текста выстраивается в соответствии с пониманием именно фразеологизма. Мы предполагаем, что могут быть ситуации с обратным эффектом, когда понимание фразеологизма игнорируется при выстраивании общего смысла текста, но эта гипотеза требует дополнительной проверки. Огромное, но до конца не изученное влияние на информационный вывод, оказывают эмоции и фоновая ситуация.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф., Золотых Л.Г. Проблемы фразеологического значения и смысла – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2002. – 255с.
2. Аристотель Сочинения: в 4 т. – М.: Мысль, 1984. – 830с.
3. Бабина Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке. Диссер... на соиск. уч. ст. доктора филол. наук. – Тамбов, 2003. – 382с.
4. Баранов А.Н. Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656с.
5. Боголюбова Л.И. Выявление имплицитных смыслов в тексте художественного произведения. На примере художественного произведения А. Моруа «Собор»// Современные прагмалингвистические исследования, романских, германских и русских языков: Сб. науч. Статей. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – С.27-32.
6. Водоватова Т.Е. Инференциальный смысл высказываний с пониженной и повышенной информационной емкостью. Автореф на соиск. уч. ст. доктора филол. наук, Волгоград, 2007. – 41с.
7. Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 325с.
8. Дейк Т.А., ван Кинч В. Стратегии понимания связного текста// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – С.153-212.
9. Дроздова Т.В. Научный текст и проблемы его понимания (на материале научных экономических текстов): дисс... док. филол. наук: 10.02.04. – М., 2003. – 385с.
10. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. – М.: Лабиринт, 1998. – 368с.
11. Залавина Т.Ю., Афанасьева О.Н., Шорохова Л.А. Паремнологический концепт «ДЕНЬГИ» как форма ментальной репрезентации знаний о мире // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. №1 (51). С.372-379.

12. Залавина Т.Ю. Семантическая структура глагольных фразеологизмов, содержащих концепт «ПОРИЦАНИЕ» (на материале французского языка) // Вестник Костромского государственного университета. 2005. Т. 11. № 12. С.106-109.
13. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 382с.
14. Зеркина Н.Н. THE SYMBOLIC IN MEANING OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE ENGLISH LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF IDIOMS WITH AN ADJECTIVE OF COLOR)// Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С.697-699.
15. Зеркина Н.Н., Костина Н.Н. СЕМАНТИКА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ. КОНТЕКСТ. ДИСКУРС (на примере фразеологизмов и аббревиатур английского языка)// Экономика и политика. 2013. № 6 (6). С.142-148.
16. Зеркина Н.Н. СИМВОЛИКА И СЕМИОТИКА ЦВЕТА ВО ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ С ПРИЛАГАТЕЛЬНОМ RED//Наука и образование в XXI веке сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции: в 34 частях. 2013. С. 74-76.
17. Зеркина Н.Н. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В АНГЛИЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ//Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С.636-638.
18. Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации. Диссер на соиск. уч. ст. доктора филол. наук. – М, 2004. – 332с.
19. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477с.
20. Кубрякова Е.С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира/ Рос. Академия наук. Институт языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560с.
21. Куликова О.В. Структура дискурса и проблемы инференции (на примере аргументированного дискурса)// Вестник МГЛУ, № 521. – 20-07. – С.8-28.
22. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал, УРСС, 2004. – 256с.
23. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М. : Гнозис, 2003. – 280с.
24. Полякова Л.С. Коммуникативное воздействие эмоционально-оценочной политической номинации в синхроническом аспекте // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2011. № 2. С. 115-118.
25. Полякова Л.С. Понятие «речевое поведение» теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2012. № 14. С. 44-47.
26. Полякова Л.С. Речевое воздействие: теоретические аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 118-121.
27. Полякова Л.С. Теоретические подходы к определению понятия «дискурс» // Язык. Текст. Дискурс. 2009. №7. С. 87-91.

28. Прохоров А.В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного текста. Дисс... на соиск. ст. канд. филол. наук, Тамбов, 2006. – 159с.
29. Фреге Г. Логика и логическая семантика: сб. тр.: уч. пособ. Для студентов вузов. – М.: АспектПрогресс, 2000. – 512с.
30. Фуко М. Дискурс и истина// Логос, №2 (65), 2008. – с.159-163.
31. Шпербер Д., Уилсон Д. релевантность// Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С.212-234.
32. Южакова Ю.В. ИмPLICITное выражение негативной оценки как проявление толерантности // Вопросы современной филологии и методики обучения языкам в вузе и школе. Материалы X Международной научно-практической конференции. 2007. С. 109-111.
33. Южакова Ю.В. Композиционные особенности медиатекста, актуализирующие принцип толерантности // Язык. Культура. Коммуникация. Материалы Международной заочной научно-практической конференции. Ульяновский государственный университет. 2008. С. 403-405.
34. Fauconnier G., Turner M. The way we think Conceptual blending and the mind's hidden complexities. Published by Basic Groups, NY, 2002. – 440p.
35. Gibbs R.W. What do idioms really mean? // Journal of memory and language, 1992, №31. – pp. 485-506.
36. Grice Paul H. Aspects of Reason. Oxford, GBR: Clarendon Press, 2001. – 135p.
37. Johnson-Laird P.N. Mental models in cognitive science// Cognitive science, №4 University of Sussex, 1980. – pp.338.
38. Rickheit G., Strohner H. Inferences in text processing. North Holland-Amsterdam-New York-oxford, 1985. – pp.338.
39. Yi T. H. From meaning to inference: Exploring the Semantics-Pragmatics Inference through Online Processing and Development. Dissertation. Department of psychology. Harvard University Graduate school of Arts and Sciences, 2009. – 191p.
40. Zalavina T.Y., Kisel O.V. «Blame» Concept in Phraseology: Cognitive-Semantic Aspect (Based on the French Language) // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. T. 11. №. 17. С. 9693-9703.
41. Zalavina T.Y., Dyorina N.V. National-Cultural Semantics Reflection of French Proverbs // Proceedings of the 14th International conference on European Conference on Languages, Literature and Linguistics. «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. Vienna. 2017. P. 10-13.

1. ГАРМОНИЗАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ МИРОВ В АКМЕИСТИЧЕСКОМ И РОМАНТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Дёрина Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова

Савинова Татьяна Александровна, старший преподаватель, МГТУ им. Г.И. Носова

Harmonization of artistic worlds in acmeistic and romantic discourse

Natalja V. Dyorina, PhD, Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: nataljapidckaluck@yandex.ru

Tatjana A. Savinova, Assis. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: savinova.tatja@yandex.ru

2. ПАРЕМИИ-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА ДЕНЬГИ В ДИСКУРСИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Залавина Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова

Paroemia-Representant of Money Concept in Discourse

Tatyana Yu. Zalavina, PhD, Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: tania_mgn@rambler.ru

3. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ КОММУНИКАЦИИ В ИНТЕРНЕТ ПРОСТРАНСТВЕ

Зеркина Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова

Linguistic and Ethic Transformations in Communication of Internet Environment

Natalya N. Zerkina, PhD, Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: agatik01@mail.ru

4. ЭПОНИМЫ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Кисель Олеся Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова

Босик Галина Артёмовна, студентка группы ИДАб-17, МГТУ им. Г.И. Носова

Eponyms in Technical Discourse

Olesya V. Kisel, PhD, Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: olesja-kisel@rambler.ru

Galina Bosik, Student of Department of Sociology, Document Science and Archive Science, Institute of Humanities, Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: galya.bosik@yandex.ru

5. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА МАНИПУЛЯЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Полякова Лилия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова

Южакова Юлия Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова

Linguistic Manipulation Means in English Political Discourse

Liliya S. Polyakova, PhD, Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: lilitmgn@mail.ru

Yuliya V. Yuzhakova, Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: Julia_south@mail.ru

6. ПРОЦЕССЫ ИНФЕРЕНЦИИ В ДИСКУРСЕ

Суворова Елена Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова

Савинова Юлия Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, МГТУ им. Г.И. Носова

Inference in Discourse

Elena V. Suvorova, PhD, Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: suvorlen@yandex.ru

Yuliya A. Savinova, PhD, Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University

e-mail: savinova_july@mail.ru

Научное текстовое электронное издание

Под научной редакцией Н.Н. Зеркиной

**ПОЛИДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО:
СЛОВО, ТЕКСТ, КОММУНИКАЦИЯ**

Монография

1,21 Мб

1 электрон. опт. диск

г. Магнитогорск, 2017 год
ФГБОУ ВО «МГТУ им. Г.И. Носова»
Адрес: 455000, Россия, Челябинская область, г. Магнитогорск,
пр. Ленина 38

ФГБОУ ВО «Магнитогорский государственный
технический университет им. Г.И. Носова»
Кафедра иностранных языков по техническим направлениям
Центр электронных образовательных ресурсов и
дистанционных образовательных технологий
e-mail: ceor_dot@mail.ru